

Загадки Таисии Цветковой: расследует кот

Мария Марцева

Мария Марцева

Загадки Таисии

Цветковой: расследует кот

«Автор»

2026

Марцева М.

Загадки Таисии Цветковой: расследует кот / М. Марцева —
«Автор», 2026

Знакомьтесь: Таисия Петровна Цветкова — главный бухгалтер с непоколебимой уверенностью, что цифры никогда не врут. Врут люди. А ещё у неё есть Персик — рыжий восьмикилограммовый кот, унаследованный от дяди-антиквара и обладающий безошибочным нюхом на ложь, фальшь и подделку. Вместе эта команда распутывает 30 хитроумных дел и одно большое финальное расследование: пропавшая премия, поддельное завещание, отравленный торт, тайна запертой комнаты, двойник на видеозаписи и странная смерть старика-коллекционера. Но это не просто детектив — это книга-игра! Все улики выложены честно, и в каждом деле автор делает паузу: остановитесь, подумайте, вынесите свой вердикт. За раскрытые дела начисляются очки и присваиваются звания — от стажёра до «эксперта уровня Персика». Идеальное чтение для тех, кто любит шевелить извилинами, ценит уютную атмосферу, добрый юмор и обаятельных героев. Точите карандаши — справедливость сама себя не восстановит!

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Часть I. Простые дела	9
Пропавшая премия	9
Разгадка: Пропавшая премия	12
Кто разбил вазу?	15
Разгадка: Кто разбил вазу?	17
Лишний чек	19
Разгадка: Лишний чек	21
Загадка опоздавшего гостя	24
Разгадка: Загадка опоздавшего гостя	26
Кот указал на вора	29
Разгадка: Кот указал на вора	31
Три одинаковых конверта	34
Разгадка: Три одинаковых конверта	36
Где спрятаны ключи?	39
Разгадка: Где спрятаны ключи?	41
Свидетель в лифте	44
Разгадка: Свидетель в лифте	46
Сдача не сходится	49
Разгадка: Сдача не сходится	51
Подозрительный зонт	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Марцева

Загадки Таисии Цветковой: расследует кот

Вступление

Меня зовут Таисия Петровна Цветкова, и если вы думаете, что бухгалтер — это скучная тётка в нарукавниках, которая целыми днями стучит на калькуляторе и вздыхает над дебетом с кредитом, то вы меня совсем не знаете. Хотя нарукавники у меня, признаюсь честно, есть. Достались от бабушки вместе со старинными счётами и непоколебимой уверенностью, что цифры никогда не врут. Врут люди. А цифры — это самая честная вещь на свете.

Мне тридцать два года, я живу в обычной двухкомнатной квартире на пятом этаже блочного дома, работаю главным бухгалтером в небольшой, но уважаемой фирме «Уютный дом», которая торгует всякой всячиной для интерьера — от диванных подушек до люстр размером с небольшой автомобиль. И всё бы ничего, жизнь моя текла бы спокойно и размеренно, как ручеёк по равнине, если бы не одно обстоятельство. Точнее, одно рыжее, наглое, восьмикилограммовое обстоятельство по имени Персик.

Но обо всём по порядку. Иначе вы запутаетесь, а я этого терпеть не могу. У меня, знаете ли, профессиональная привычка — раскладывать всё по полочкам, по статьям, по графам. Бабушка покойная говорила: «Тасенька, у тебя голова устроена как амбарная книга. Всё разложено, всё подписано, ничего не пропадёт». И ведь права была, царствие ей небесное.

Так вот, про Персика. Достался он мне совершенно неожиданно, можно сказать, по наследству. Был у меня дальний родственник, дядя Аркадий Михайлович, двоюродный брат моего покойного отца. Личность, я вам доложу, презанятная. Всю жизнь он проработал оценщиком в антикварном салоне, разбирался в старине так, что мог с одного взгляда отличить подлинного Фаберже от искусной подделки, а икону восемнадцатого века — от новодела, составленного в гараже при помощи крепкого чая и табачного дыма. Дядя Аркадий был холостяком, чудачком и большим оригиналом. И вот однажды, года полтора назад, он мне звонит и говорит:

— Тася, я тут приболел немного, ничего серьёзного, но кота моего пристроить надо бы. Возьмёшь? Только учти, кот непростой.

Я тогда ещё подумала: ну что может быть непростого в коте? Мяукает, ест, спит, дерёт обои — вот и весь кошачий репертуар. Согласилась, конечно. Не бросать же животину. А через неделю дяди Аркадия не стало. Сердце. Тихо ушёл, во сне. И остался мне от него на память старинный письменный стол с потайным ящичком, потёртый кожаный портфель с какими-то бумагами и он — Персик.

Когда я впервые увидела этого кота, то, честно говоря, немного оторопела. Огромный, рыжий, как начищенный медный таз, с круглой наглой мордой и зелёными глазами, в которых читалась такая вселенская мудрость и одновременно такое издевательское превосходство, что мне сразу захотелось перед ним извиниться. Непонятно за что, но захотелось. Кот окинул меня оценивающим взглядом — точь-в-точь как дядя Аркадий оценивал поступившую на продажу вазу, — фыркнул и проследовал в комнату с видом владетельного князя, прибывшего в свои законные владения.

— Ну здравствуй, Персик, — сказала я тогда. — Будем теперь жить вместе.

Кот обернулся, посмотрел на меня так, будто я сморозила несусветную глупость, и улёгся на самое лучшее кресло. Дескать, жить-то будем, человек, но кто из нас тут главный — это мы ещё посмотрим.

Первое время я и не подозревала, какое сокровище мне досталось. Ну кот и кот. Прожорливый, как небольшое стихийное бедствие, своенравный, как примадонна, и ленивый

настолько, что даже на подоконник запрыгивал с явной неохотой, всем видом показывая, какое это для него одолжение. Любимым его лакомством оказалась, вы не поверите, красная икра. Дешёвую кошачью еду он отвергал с таким брезгливым презрением, что мне становилось стыдно. Видимо, дядя Аркадий, человек со вкусом, разбаловал животное окончательно.

Но потом начались странности.

Помню, пришла ко мне соседка с третьего этажа, Зинаида Павловна, дама приятная во всех отношениях, попросить займы до зарплаты. И Персик, обычно равнодушный к гостям, вдруг выгнул спину, прижал уши и зашипел на неё так, будто увидел самого дьявола. Я тогда удивилась, извинилась, кое-как выпроводила обиженную Зинаиду Павловну с деньгами. А через два дня выяснилось, что эта самая Зинаида Павловна заняла полдома и съезжать с квартиры собралась тайком, по-английски, не отдав никому ни копейки. Деньги мои, само собой, тью-тью. Вот тебе и приятная во всех отношениях дама.

В другой раз принесла я домой колбасу из магазина. Хорошую вроде колбасу, дорогую, в красивой упаковке. Персик понюхал и отвернулся с таким отвращением, что я насторожилась. Пригляделась к упаковке повнимательнее — а там срок годности подтёрт и переклеен. Тухлятина, проще говоря, которую ушлый продавец втюхал доверчивой покупательнице. С тех пор я колбасу без кошачьей экспертизы не покупаю.

И вот таких случаев накопилось — вагон и маленькая тележка. Кот безошибочно чуял ложь, фальшь, подвох. Зашипит на человека — жди от этого человека пакости. Поворчит на бумагу — значит, в бумаге подделка или ошибка. Отвернётся от еды — выбрасывай не глядя. Я долго не могла поверить, списывала на совпадения, ведь я человек рациональный, бухгалтер, в чудеса и кошачью телепатию верить не приучена. Но факты — упрямая вещь, как говорил незабвенный дядя Аркадий. А фактов набралось столько, что отмахнуться от них уже не получалось.

Однажды я разбирала тот самый кожаный портфель, что достался мне от дяди, и нашла его старый блокнот. А в блокноте, среди записей об антиквариате и оценках, наткнулась на любопытную строчку: «Персик снова оказался прав. Чует подделку лучше любого эксперта. Этот кот — мой главный консультант. Жаль, в акте оценки его подпись не поставишь». И я поняла, что дядя Аркадий не зря назвал кота непростым. Он давно раскусил своего рыжего компаньона и всю пользовался его удивительным даром.

Так мы и зажили — я со своей бухгалтерской логикой и привычкой докапываться до сути, и Персик со своим феноменальным нюхом на враньё. И, честно скажу, оказались отличной командой. Потому что одно дело — почуять, что что-то нечисто, и совсем другое — разобраться, что именно и кто виноват. Тут уж без холодного расчёта и внимания к мелочам никуда. А мелочи я люблю и замечаю, такая у меня натура. Где другой пройдёт мимо, я непременно зацеплюсь взглядом: почему чек выписан задним числом? отчего у свидетеля ботинки сухие, когда на улице ливень? с какой стати в завещании дата стоит, а старик в этот день уже и ручку держать не мог?

Постепенно слава обо мне и моём коте поползла по знакомым, а от знакомых — дальше, по их знакомым. И потянулись ко мне люди со своими бедами и загадками. У кого премию на работе украли, у кого наследство увели из-под носа, у кого ваза дорогущая вдребезги, а виноватого не сыскать. И что вы думаете? Распутывали мы с Персиком эти головоломки одну за другой. Я думала, сопоставляла, выстраивала цепочки, а рыжий мой напарник в нужный момент то зашипит на кого надо, то лапой ткнёт в важную улику, то нос воротить начнёт от подозрительного предмета. Подсказки, конечно, кошачьи, без слов, но я научилась их читать не хуже, чем балансировый отчёт.

Вот об этих наших расследованиях я и решила вам рассказать. Собрала самые занятные дела, разложила, как водится, по полочкам — от простых к сложным. И знаете что? Я приглашаю вас распутывать их вместе со мной. Да-да, не удивляйтесь. Эта книга не из тех, где

можно лениво листать страницы и ждать, пока автор всё разжует и в рот положит. Тут придётся пошевелить извилинами.

Устроено всё просто. В каждой истории я сначала обрисую вам ситуацию — что стряслось, кто пострадал, кого подозревают. Потом представлю действующих лиц и их показания. Заметьте, врать они будут напропалую — люди вообще любят приврать, уж мне ли, бухгалтеру, не знать. Дальше я обязательно опишу, как вёл себя Персик. Это, друзья мои, важнейшая часть. Кот зря шипеть не станет и лапой попусту тыкать не будет. Если рыжий насторожился — значит, есть на что. Считайте это подсказкой от лучшего в мире эксперта по фальшивкам.

А потом я задам вам вопрос. И сделаю паузу. Вот тут-то и начинается самое интересное. Не торопитесь переворачивать страницу! Остановитесь, подумайте, перечитайте, если надо. Все улики, все ниточки я выкладываю перед вами честно, ничего не утаивая. Я ведь бухгалтер, а у бухгалтера всё прозрачно, никаких тёмных делишек за спиной. Имея на руках то же, что и я, вы вполне способны докопаться до правды самостоятельно. А уж потом, когда сами вынесете свой вердикт, заглянете в конец книги — там вас будет ждать разгадка. И подробный разбор: какая улика оказалась решающей, на что намекал Персик и где притаилась та самая зацепка, которую так легко проглядеть.

Чтобы вам было интереснее, я завела специальную систему подсчёта. За каждое раскрытое дело — очко. Угадали виновного и поняли, как до него докопаться, — записывайте себе в актив. В конце посчитаем, и я присвою вам звание. Раскроете от нуля до десяти дел — будете считаться стажёром, новичком в нашем сыском ремесле, не беда, все с этого начинали. Одолеете от одиннадцати до двадцати — поздравляю, вы дослужились до моего личного помощника. От двадцати одного до тридцати — да вы прирождённый мастер-сыщик! Ну а если справитесь со всеми делами, да ещё и большое финальное расследование осилите, — тогда вам присваивается высшее звание. Эксперт уровня Персика. Выше уже некуда, поверьте. Сам рыжий, я думаю, снисходительно одобрит.

Дела я разделила на четыре части, по нарастающей сложности. Сначала пойдут простые задачки — так, размяться, набить руку, научиться подмечать детали. Потом — истории запутаннее, где придётся сопоставлять факты и отделять зёрна от плевел. Затем — дела для настоящих сыщиков, с целой оравой подозреваемых, ложными следами и хитрыми алиби, тут уж без напряжения всех извилин не обойтись. А под занавес — одно большое многоходовое расследование, которое соберёт воедино все навыки, что вы наработаете по дороге. Сложное дело, ох сложное. Но я в вас верю.

Так что устраивайтесь поудобнее. Заварите себе чаю покрепче, а если найдётся под рукой что-нибудь вкусненькое — так и вовсе славно. Персик, например, без своей икры за расследование не берётся, и я его, признаться, понимаю: на голодный желудок какая работа мысли? Возьмите карандаш и листочек, не стесняйтесь записывать свои догадки, пометать подозрительные моменты. Настоящий сыщик без блокнота — что бухгалтер без калькулятора.

Готовы? Тогда переворачивайте страницу. Нас с Персиком уже ждёт первое дело — пустяковое на первый взгляд, но, как известно, именно в пустяках чёрт и прячется. А мы с моим рыжим напарником этого черта за хвост непременно изловим. С вашей помощью, разумеется.

Ах да, чуть не забыла предупредить. Не вздумайте недооценивать кота. Вид у него, конечно, тот ещё — развалится на кресле пузом кверху, лапы раскинет, и кажется, будто его, кроме обеда да послеобеденного сна, ничего на свете не интересует. Но это, дорогие мои, маска. Хитрая кошачья маска. На самом деле от этих зелёных глаз ничего не укроется. Сколько раз бывало: сидит вроде дремлет, а сам всё видит, всё слышит, всё мотает на свои рыжие усы. И в самый нужный момент — раз! — выдаст подсказку, да такую, что я только диву даюсь. Дядя Аркадий знал, кому доверить своё сокровище. И я этим доверием очень дорожу.

Ну всё, довольно болтовни. За дело, друзья! Справедливость сама себя не восстановит, а виновные сами себя не разоблачат. Будем распутывать. Я — Таисия Петровна Цветкова, бухгалтер с амбарной книгой вместо головы. И он — Персик, рыжий гений сыска с непомерным аппетитом и безошибочным нюхом на ложь. Добро пожаловать в нашу компанию!

Часть I. Простые дела

Пропавшая премия

Дело первое, с которого, собственно, всё и завертелось всерьёз, случилось аккурат у меня на работе, в родной фирме «Уютный дом». Казалось бы, где я, а где детективные страсти? Сиди себе, своди дебет с кредитом да чай попивай. Ан нет. Жизнь, как известно, мастерица на сюрпризы и подкидывает их там, где меньше всего ждёшь.

А началось всё с премии. Дело было перед Новым годом, в самый что ни на есть предпраздничный аврал, когда народ носится как угорелый, начальство нервничает, а бухгалтерия трещит по швам от отчётов. И вот в эту-то горячую пору наш директор, Леонид Семёнович Грачёв, человек прижимистый, но в целом справедливый, расщедрился и выписал годовую премию всему коллективу. Сумму, надо сказать, приличную. А поскольку дело предпраздничное и в банке очереди до потолка, решено было часть премии — ту, что причиталась небольшому отделу продаж, — выдать наличными. Старомодно, зато быстро.

Получилось так, что заведовать этой наличностью поручили мне. Я деньги пересчитала, разложила по конвертам, на каждом написала фамилию, аккуратно, как я люблю, и заперла всё в свой сейф. А сейф у меня, скажу я вам, надёжный, старый, тяжёлый, дядя Аркадий бы оценил. Ключ один-единственный, и носила я его на шее, на шнурочке, как медальон. Всего конвертов было пять. В каждом — по тридцать тысяч рублей. Итого сто пятьдесят тысяч. Цифра ровная, приятная глазу.

И вот наутро, перед самой выдачей, открываю я сейф, чтобы раздать конверты сотрудникам, — а одного-то конверта и нет! Того самого, что предназначался менеджеру по имени Костя Рябинин. Лежат четыре, как миленькие, а пятый — фьюить, испарился. Тридцать тысяч народных денег как корова языком слизала.

Я, конечно, обомлела. Стою, глазами хлопаю, пересчитываю по третьему разу. Нет конверта. А сейф заперт был, ключ при мне всю ночь висел, я с ним даже в душ хожу, такая уж у меня привычка с деньгами. Чудеса, да и только.

Поднялся, разумеется, переполох. Леонид Семёнович побагровел, забежал по кабинету, грозился вызвать полицию и всех поувольнять. Костя Рябинин, лишившийся премии, чуть не плакал. А я стояла и думала: погодите-ка, граждане. Деньги из запертого сейфа просто так не исчезают. Значит, либо кто-то подобрался к ключу, либо... Впрочем, давайте по порядку. Тем более что в тот день я, по счастью, прихватила Персика с собой на работу — кот приболел, и я не рискнула оставить его одного дома, посадила в переноску да привезла в офис. Сидел он у меня под столом в своей корзинке и наблюдал. А наблюдатель он, как вы уже знаете, бесценный.

Подозреваемых набралось четверо — те, кто в тот вечер задержался в офисе и теоретически мог покрутиться возле моего кабинета.

Первый — Костя Рябинин, тот самый, чья премия пропала. Парень молодой, шепутной, вечно в долгах. Божился, что после работы сразу уехал домой, к матери, и весь вечер чинил ей протекающий кран. Уж он-то, говорит, последний, кто стал бы красть собственную премию, — ему эти деньги нужнее всех.

Вторая — Анжела Викторовна, старший менеджер, дама лет сорока пяти, вся в золоте и с маникюром, об который, кажется, можно порезаться. Заявила, что задержалась допоздна, оформляла важный заказ, а потом ушла последней, около десяти вечера, и в моём кабинете, мол, ноги её не было.

Третий — Гена, наш завхоз и мастер на все руки, мужичок тихий, незаметный. Сказал, что вечером менял перегоревшую лампочку в коридоре, как раз напротив моего кабинета, провозился до девяти, а после отправился домой.

И четвёртая — Светочка, секретарша директора, девушка милая, но рассеянная. Утверждала, что весь вечер сидела в приёмной, разбирала почту, никуда не отлучалась и ничего подозрительного не видела.

Стала я, значит, размышлять. Сейф цел, замок не взломан, ключ был при мне. Стекло в кабинете не разбито, окно заперто на щеколду изнутри. Получается, конверт вынули, открыв сейф ключом. Но ключ-то один, и он у меня! Тут-то я и припомнила одну деталь, на которую поначалу не обратила внимания.

Дело в том, что накануне вечером, перед уходом, я отлучилась буквально на десять минут — отнести подписанные документы в кабинет директора. Кабинет свой я при этом заперла, но ключ от сейфа... ключ от сейфа я в спешке оставила висеть на гвоздике у зеркала. Сняла шнурок, чтобы он не мешал, когда поправляла блузку, да так и забыла надеть обратно. Мелочь, казалось бы. Но в нашем деле мелочей не бывает.

Значит, в эти десять минут кто-то мог войти в мой кабинет. Но я же его запираю! Хотя... запасной ключ от кабинета есть у завхоза Гены — он у нас все помещения отпирает по утрам. И ещё, теоретически, у Светочки, потому что она иногда заносит мне бумаги от директора.

Призвала я всех четверых к себе в кабинет — устроить, так сказать, очную ставку. Корзинка с Персиком стояла под столом, кот высунул рыжую морду и принялся изучать собравшихся своими зелёными глазами.

Костя нервничал, теребил рукав, переминался с ноги на ногу — но так он всегда нервничает, парень эмоциональный. Анжела Викторовна держалась надменно, поглядывала на всех свысока и поминутно поправляла свои перстни. Гена стоял смирно, опустив глаза в пол, мял в руках кепку. Светочка хлопала ресницами и явно мечтала оказаться, где угодно, только не здесь.

И вот тут начался цирк. Стоило Анжеле Викторовне сделать шаг ближе к моему столу, как Персик вдруг весь подобрался, шерсть на загривке встала дыбом, и кот зашипел — да так грозно, угрожающе, что Анжела отшатнулась и взвизгнула:

— Уберите немедленно эту тварь! Я кошек терпеть не могу, у меня аллергия!

Я кота, конечно, успокоила, погладила, но шипел-то он не на абы кого, а именно на нашу разодетую даму. И шипел не просто так, не от испуга — а как тогда, когда чуял фальшь. Я это шипение ни с чем не спутаю.

Стала я тогда расспрашивать всех подробнее. И вот что выяснилось. Костя, когда уезжал, отметил на проходной — охранник записал время, восемнадцать пятнадцать. Сходится с его рассказом про кран и мать. Гена менял лампочку — и действительно, в коридоре напротив моего кабинета теперь горела новенькая, я сама видела. Светочка разбирала почту — на её столе и впрямь высилась гора распечатанных конвертов.

А вот Анжела Викторовна... Она сказала, что оформляла важный заказ и ушла последней, около десяти. Но я-то заглянула в её рассказ повнимательнее. Заказ, о котором она говорила, был оформлен в системе — а у нас всё фиксируется, с точностью до минуты, я лично эту программу настраивала. И значился там не вечер, а утро следующего дня. Выходит, вечером никакого заказа Анжела не оформляла. Чем же она тогда занималась в офисе допоздна, да ещё уверяла, будто в мой кабинет не заходила?

И ещё одна деталь не давала мне покоя. Анжела обмолвилась, что ушла последней, около десяти. Но Светочка-то сидела в приёмной до самого закрытия и клялась, что после девяти вечера в офисе вообще никого, кроме неё, не оставалось — она своими глазами видела, как все расходились. А охранник на проходной подтвердил: последней, в двадцать один сорок, ушла

именно секретарша Светочка. Анжелы Викторовны в этом списке после девяти и в помине не было — она отметилась на выходе ещё в восемь вечера.

Вот теперь сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Сейф цел, ключ десять минут висел на гвоздике без присмотра, пока я бегала к директору. Кто-то в эти минуты вошёл в кабинет. Персик отчаянно шипит на Анжелу Викторовну. Заказ, которым она якобы занималась, оформлен вовсе не вечером, а утром. И главное — она утверждает, что ушла последней около десяти, хотя на самом деле покинула офис ещё в восемь, о чём есть запись на проходной. Зачем человеку врать про время, если ему нечего скрывать?

Так кто же стащил премию Кости Рябинина из запертого сейфа? И главное — как именно я, Таисия Цветкова, вычислила вора, не имея ни отпечатков пальцев, ни записи с камер? Подумайте хорошенько, разложите факты по полочкам, прежде чем переворачивать страницу!

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, утомившись от разоблачительной деятельности, преспокойно уснул в своей корзинке прямо посреди допроса, да так сладко, что захрапел. Анжела Викторовна, услышав кошачий храп, опять дёрнулась и проворчала что-то про антисанитарию. А я подумала: вот уж кому-кому, а тебе бы, голубушка, помолчать про чистоту, когда у самой рыльце в пушку. Но вслух, конечно, ничего не сказала. Доказательства сперва, обвинения потом — так меня учили и бабушка, и дядя Аркадий. Бухгалтер без бумажки — всё равно что и не бухгалтер вовсе.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А я пока поставлю чайник да отсыплю своему рыжему гению заслуженную ложечку икры. Заработал.

Разгадка: Пропавшая премия

Ну что же, дорогие мои сыщики, время раскрывать карты. Надеюсь, вы как следует пораскинули мозгами, разложили все факты по полочкам и вынесли свой вердикт. А теперь давайте сверим наши выводы. Преступница — Анжела Викторовна, старший менеджер, та самая разодетая в золото дама с убийственным маникюром. Это она стащила конверт с премией Кости Рябинина из моего сейфа. И сейчас я подробно, по косточкам, разберу, как я до этого додумалась. Потому что мало назвать виновного — настоящий сыщик должен уметь объяснить ход своих мыслей. Иначе это не расследование, а гадание на кофейной гуще, а я гаданий не признаю. Я бухгалтер, у меня всё на цифрах да на фактах держится.

Начнём с главного — с самой загадки запертого сейфа. На первый взгляд, дело казалось мистическим: сейф цел, замок не взломан, окно заперто изнутри на шеколду, стекло целёхонько, а ключ от сейфа всю ночь висел у меня на шее. Откуда же тогда взяться пропаже? Вор не призрак, сквозь стены не ходит. Значит, разгадка должна быть простой и земной. И она такой и оказалась. Помните, я обмолвилась про злополучные десять минут? Накануне вечером я отлучилась отнести бумаги директору, а ключ от сейфа в спешке оставила висеть на гвоздике у зеркала. Сняла шнурок с шеи, поправляя блузку, да забыла надеть обратно. Вот вам и вся мистика. В эти-то десять минут вор и проник в кабинет, открыл сейф моим же ключом, вытащил один конверт и был таков. Никакого взлома и не требовалось — ключ сам шёл в руки.

Но кто же? Войти в запертый кабинет за эти десять минут мог не каждый. У кого был доступ? Запасной ключ от моего кабинета имелся у завхоза Гены и, теоретически, у секретарши Светочки. Анжела Викторовна, казалось бы, в этот узкий круг не входила. И тут многие из вас, я уверена, заподозрили именно Гену или Светочку — а вот это и есть ловушка, ложный след, который я расставила честно, по всем правилам. Давайте разбираться дальше.

Теперь — алиби. Их я проверила все до единого, как привыкла проверять накладные. Костя Рябинин уехал в восемнадцать пятнадцать — это записано на проходной, чёрным по белому, рукой охранника. После этого в офис он не возвращался, а значит, к сейфу в роковые десять минут подобраться не мог. Гена менял лампочку напротив моего кабинета — и лампочка действительно новая, я её своими глазами видела горящей. Светочка разбирала почту, и гора вскрытых конвертов на её столе это подтверждала, да к тому же она ушла последней, в двадцать один сорок, что зафиксировано на проходной. У всех троих алиби сходятся с фактами, с записями, с уликами. Комар носа не подточит.

А вот Анжела Викторовна попала на лжи дважды. И обе её лжи я разоблачила не чутьём, не наитием, а холодным расчётом и сверкой документов — тем самым бухгалтерским ремеслом, которое меня никогда не подводит.

Ложь первая. Анжела заявила, будто вечером задержалась, потому что оформляла важный заказ. Звучит правдоподобно — мало ли, человек работающий, остался после смены. Но я-то лично настраивала нашу учётную программу и знаю: она фиксирует каждое действие с точностью до минуты. Заглянула я в систему — и что же? Заказ, на который ссылалась Анжела, был оформлен вовсе не вечером, а утром следующего дня. Стало быть, никакого заказа вечером она не делала. А раз так — её объяснение, зачем она торчала в офисе допоздна, рассыпалось в прах. Зачем выдумывать несуществующую работу? Только чтобы оправдать своё присутствие там, где ей быть не полагалось.

Ложь вторая, и она оказалась решающей. Анжела сказала, что ушла последней, около десяти вечера. Но это прямо противоречило сразу двум источникам. Во-первых, Светочка клялась, что после девяти в офисе оставалась только она одна и своими глазами видела, как все расходились. Во-вторых — и это уже не слова, а документ, — на проходной чёрным по белому записано: Анжела Викторовна покинула офис в восемь вечера. А последней, в двадцать один

сорок, ушла Светочка. Получается, Анжела солгала про время своего ухода почти на два часа. И вот тут я задала себе самый главный вопрос, который советую задавать и вам в каждом деле: зачем человеку врать про время, если ему нечего скрывать? Честному человеку незачем. А вот тому, кто хочет запутать следствие и отвести от себя подозрение, — очень даже есть зачем.

Сложив всё вместе, я выстроила цепочку. Анжела ушла в восемь — то есть как раз могла оказаться у моего кабинета в те самые десять минут, пока я бегала к директору с ключом на гвоздике. Дверь кабинета она могла открыть заранее припасённым способом — а способ нашёлся: позже выяснилось, что Анжела под благовидным предлогом одалживала запасной ключ у Светочки якобы «полить цветок» и сделала с него слепок. Вот вам и доступ, которого, казалось бы, у неё не было. Замкнутый круг разомкнулся. А врала она про поздний уход именно затем, чтобы создать впечатление, будто была на виду весь вечер, на самом же деле к моменту кражи давно крутилась возле сейфа.

Теперь про Персика, моего рыжего консультанта. Помните, как он зашипел на Анжелу, стоило ей приблизиться к столу? Кот не ошибается. Он почуял фальшь — ту самую ложь, что исходила от этой дамы. Заметьте, мой рыжий гений не шипел ни на Костю, ни на Гену, ни на Светочку, хотя нервничали и мялись все. Он безошибочно выделил единственного лжеца в комнате. Но — и это важно — кот лишь подсказал, указал направление. Доказательства, цифры, сверку времени по проходной и записи в программе делала я сама, своей головой. Персик — это компас, а карту читаю я. Так у нас с ним заведено, и менять этот порядок мы не собираемся.

Кстати, мотив у Анжелы оказался самый прозаический. Дамочка жила не по средствам — отсюда и золото, и перстни, и маникюр. Влезла в долги, а тут под носом лежат денежки, и ключ сам в руки идёт. Не устояла. Деньги, само собой, нашлись — в её рабочем столе, в нижнем ящике, под папками. Конверт даже не распечатала, видно, не успела или побоялась. Премии Косте Рябинину вернули в целости, парень был счастлив, а Анжелу Викторовну Леонид Семёнович с позором уволил, ещё и пригрозил полицией, если та не возместит хлопоты. Так что справедливость восторжествовала, и Новый год коллектив встретил без вора в своих рядах.

А мораль этого дела простая, и я вам её подарю на будущее: проверяйте время. Время — лучший свидетель, оно не умеет врать, в отличие от людей. Запись на проходной, отметка в программе, штамп на документе — всё это упрямые цифры, которые либо сходятся, либо нет. Если человек путается в том, когда он пришёл и когда ушёл, — насторожитесь. Тут-то собака и зарыта. Я это правило усвоила на всю жизнь и вам советую.

Ну а теперь, как и обещала во вступлении, давайте подсчитаем ваши очки. Если вы верно назвали виновную — Анжелу Викторовну — записывайте себе честно заработанное очко. Если вдобавок сообразили, что ключ от сейфа десять минут висел без присмотра и именно в это окошко была совершена кража, — вы настоящий молодец, схватываете суть на лету. А если ещё и заметили главную нестыковку, что Анжела наврала про время своего ухода, тогда как проходная говорит совсем другое, — снимаю перед вами шляпу, из вас выйдет толк.

Заведите себе листочек — назовём его «Проверь себя» — и расчертите простую табличку. В первый столбец впишите номер дела, во второй — имя того, кого вы назвали виновным, в третий поставьте плюс, если угадали, или минус, если промахнулись, а в четвёртый — заметку, догадались ли вы про сам способ кражи. По этому первому делу галочку ставьте, если ответили «Анжела Викторовна». Минус — не беда, дело хоть и числится простым, а с подвохом: я ведь нарочно подсунула вам в подозреваемые Гену с его запасным ключом и нервного Костю с долгами, чтобы было над чем поломать голову. На таких делах сыщицкий глаз и набивается.

В конце книги, когда переберём все тридцать дел, да ещё финальное расследование осилим, сложите все свои плюсы и поглядите, какое звание заслужили — стажёра, моего личного помощника, мастера-сыщика или, чем чёрт не шутит, эксперта уровня Персика. Но не будем

забегать вперёд. Впереди ещё уйма загадок: и разбитая ваза, и лишний чек, и опоздавший гость, и много чего ещё. Так что не расслабляйтесь, точите карандаши.

А мы с Персиком пока передохнём. Рыжий, надо сказать, своё дело сделал на отлично и теперь требует законной награды. Сiju я, накладываю ему в блюдечко ложечку красной икры, а он жмурится, мурлычет и глядит на меня с таким видом, будто это не я, а он раскрыл преступление века. Ну да ладно, пусть тешится. В конце концов, без его шипения я бы, может, и не пригляделась к Анжеле так внимательно. Так что заслужил, рыжий разбойник, заслужил. Переходим к делу второму!

Кто разбил вазу?

Дело второе, надо сказать, свалилось на меня не на работе, а в гостях — что, согласитесь, вдвойне неприятно. Одно дело распутывать чужие служебные неурядицы, и совсем другое — оказаться сыщиком там, где тебя позвали просто чайку попить да о жизни поболтать. Но раз уж у меня такая судьба, никуда не денешься. Видно, на роду написано: где Цветкова с Персиком, там и загадка.

А пригласила меня в тот выходной моя давняя приятельница, Раиса Игнатьевна Журавлёва. Дама она солидная, в возрасте, вдова, живёт в большой старой квартире, заставленной всякой стариной — сервизы, статуэтки, картины в позолоченных рамах. Раиса Игнатьевна, надо сказать, страстная коллекционерка, и главной её гордостью была фарфоровая ваза. Не простая ваза, а старинная, дорогушая, ещё, кажется, прабабкина — белая, с синими цветами и тонкой золотой каёмочкой. Стояла эта красавица на отдельной тумбочке в гостиной, на самом видном месте, и Раиса Игнатьевна с неё пылинки сдувала.

И вот в тот злополучный день собралась у Раисы Игнатьевны небольшая компания. Кроме меня с Персиком — а я кота с собой взяла, потому что хозяйка сама просила, ей, видите ли, нравилось, как рыжий важно расхаживает по её паркету, — были там ещё трое. Племянник хозяйки, Виталик, парень лет двадцати пяти, оболтус и шалопай, вечно клянчивший у тётушки денег. Соседка по площадке, Нина Степановна, женщина дотошная и любопытная, всюду совавшая свой нос. И приходящая домработница, Люба, тихая молчаливая девушка, которая в тот день как раз убиралась в квартире.

Сидели мы, значит, на кухне, пили чай с пирогом — Раиса Игнатьевна знатные пироги печёт, с капустой, пальчики оближешь. Болтали о том о сём. И вдруг из гостиной раздался такой грохот, такой звон, что у меня чашка в руке дрогнула. Все повскакивали, кинулись в комнату — а там на полу лежит та самая бесценная ваза. Точнее, то, что от неё осталось, — горка белых черепков с синими цветочками. Сердце Раисы Игнатьевны, бедной, чуть не остановилось. Она так и осела на стул, схватившись за грудь.

— Кто?! — простонала она. — Кто разбил мою вазу?!

И тут началось. Все принялись наперебой оправдываться и валить друг на друга. Картина, прямо скажем, неприглядная. Но я, как человек привычный, сразу взяла себя в руки и стала разбираться. Потому что ваза вазой, а правда — она дороже всякого фарфора.

Первым делом я оглядела место происшествия. Тумбочка, на которой стояла ваза, находилась в углу гостиной, у окна. Окно, кстати, было приоткрыто — на улице стояла тёплая погода, и хозяйка любила проветривать. Рядом с тумбочкой, на полу, валялись черепки, а чуть поодаль лежала диванная подушка — будто её сбросили или она сама упала. Ещё я заметила, что плотные шторы на окне слегка колыхались от сквозняка.

Стала опрашивать подозреваемых — а как же иначе, я ведь дело знаю.

Племянник Виталик заявил, что всё это время сидел с нами на кухне и в гостиную даже не заглядывал. Дескать, как пришёл, так и прилип к пирогу, никуда не отлучался. Правда, я что-то не припомнила, чтобы он безотлучно сидел за столом, — парень несколько раз вставал, то покурить выходил на балкон, то ещё куда-то.

Соседка Нина Степановна божилась, что она тут вообще ни при чём, она, мол, женщина аккуратная, к чужим дорогим вещам и пальцем не притрагивается. А вот, говорит, домработница Люба весь день по квартире сновала с тряпкой, наверняка она вазу-то и задела, неуклюжая.

Люба, бедняжка, вся побледнела и чуть не расплакалась. Сказала, что да, протирала пыль в гостиной, но было это с утра, ещё до прихода гостей, и вазу она трогала очень осторожно,

как хозяйка велела, а после в гостиную больше не заходила — убиралась в дальних комнатах. И, говорит, когда она вытирала пыль, ваза стояла целёхонька на своём месте.

А сама Раиса Игнатьевна была с нами на кухне, тут уж сомнений никаких.

И вот сижу я, разглядываю эту печальную картину, и тут мой Персик, который до того важно прохаживался по гостиной, вдруг подошёл к окну, к тем самым кольшущимся шторам, и принялся возбуждённо нюхать подоконник. Понюхал, заглянул за штору, потом задрал морду к приоткрытому окну и муркнул как-то особенно, многозначительно. На людей он, заметьте, не шипел — ни на Виталика, ни на Нину Степановну, ни на Любу. Его заинтересовало именно окно. Он даже лапкой потрогал штору и снова устался на подоконник, будто говоря мне: гляди, хозяйка, гляди сюда, тут собака зарыта.

Я подошла поближе, пригляделась — и кое-что заметила. На подоконнике, в пыли, остались следы. Маленькие, круглые, будто кто-то прошёлся по нему лапками. А на самом краю тумбочки, где стояла ваза, виднелась свежая царапина и клочок серой шерсти.

Тут я хитро прищурилась и подумала: а ведь дело-то проясняется. Только давайте по порядку, не будем торопиться.

Вспомнила я и ещё кое-что. Когда мы прибежали на грохот, у Нины Степановны, той самой соседки, что валила всё на Любу, я заметила на коленях её юбки светлые шерстинки. Серые, короткие. А ведь ни у меня, ни у Раисы Игнатьевны кошек серой масти нет — мой Персик рыжий, как огонь. Откуда же тогда на соседкиной юбке серая шерсть? И почему мой кот так настойчиво тычется носом в окно?

А ещё припомнила я слова самой Нины Степановны, оброненные раньше за чаем. Она, болтушка, между делом пожаловалась, что её котяра, серый Барсик, опять удрал гулять по карнизу, окаянный, и она уж и не знает, как его домой загнать. Карниз-то у дома общий, широкий, кошки по нему запросто разгуливают от окна к окну.

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Ваза стояла у приоткрытого окна. Утром, когда Люба протирала пыль, ваза была цела. Гости сидели на кухне. Персик упорно нюхает подоконник и окно, а на людей — ноль внимания. На подоконнике — следы маленьких лапок. На краю тумбочки — царапина и клочок серой шерсти. А у соседки Нины Степановны, которая громче всех валила вину на тихую Любу, на юбке серые шерстинки, и кот у неё, по её же словам, серый и любит разгуливать по карнизу.

Так кто же на самом деле разбил драгоценную вазу Раисы Игнатьевны? И почему я уверена, что ни Виталик, ни Люба, ни тем более кто-то из нас тут ни при чём? Подумайте хорошенько, разложите всё по полочкам, прежде чем переворачивать страницу!

А пока вы размышляете, расскажу вам забавную деталь. Мой Персик, обследовав подоконник, вдруг сам запрыгнул на него, важно уселся и устался в окно с таким видом, будто высматривал кого-то на карнизе. И, честное слово, я могла бы поклясться, что в этот момент где-то вдалеке, на соседском подоконнике, мелькнул серый хвост и виновато скрылся за углом. Раиса Игнатьевна, увидав моего кота на подоконнике рядом с разбитой вазой, охнула было: «Так это твой рыжий разбойник напроказил!» Но я-то уже знала, что мой Персик чист как слеза младенца. Он не виновник, он свидетель. А настоящий нарушитель давно сделал ноги по карнизу. Вот только хозяйка этого нарушителя сидела тут же, среди нас, и преспокойно сваливала вину на ни в чём не повинную домработницу. А это, я вам скажу, поступок куда более некрасивый, чем разбитая ваза.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока спустимся во двор — надо бы проведать одного серого гражданина с подмоченной репутацией.

Разгадка: Кто разбил вазу?

Ну что, дорогие мои сыщики, надеюсь, на этот раз вы не дали себя провести и не поспешили обвинить ни нервного Виталика, ни тихоню Любу, ни даже моего рыжего Персика, на которого, бедного, уже косилась хозяйка. Раскрываю карты. Драгоценную фарфоровую вазу Раисы Игнатьевны разбил не человек вовсе, а кот. Только не мой Персик, а серый Барсик — тот самый окаянный котяра соседки Нины Степановны, что повадился гулять по общему карнизу. Вот вам и весь сказ. А теперь давайте разберём по косточкам, как я к этому пришла, потому что в этом деле, хоть оно и числится простым, спрятано сразу два урока. И главный из них не про вазу даже, а про человеческую подлость.

Начнём с самой механики происшествия. Где стояла ваза? В углу гостиной, на тумбочке, у самого окна. А окно было приоткрыто — день стоял тёплый, хозяйка проветривала. Это первая и самая важная деталь, мимо которой многие пробегают глазами. Открытое окно у дорогой вещи — всё равно что открытая касса без кассира. Жди беды. Дальше. Карниз у дома, как обмолвилась сама Нина Степановна, общий и широкий, кошки по нему разгуливают от окна к окну, как по проспекту. А её серый Барсик, по её же словам, как раз удрал гулять по этому карнизу. Складываем: открытое окно, широкий карниз и гуляющий по нему кот. Картина начинает проясняться, не правда ли?

Теперь — улики на месте преступления, те самые мелочи, которые я так люблю и которые честно выложила перед вами. Первое: на подоконнике, в пыли, остались маленькие круглые следы. Будто кто-то прошёлся лапками. Не ботинком, не рукой — именно лапками. Человек таких следов не оставит при всём желании. Второе: на самом краю тумбочки, где стояла ваза, виднелась свежая царапина и — внимание — клочок серой шерсти. Серой! А в доме у Раисы Игнатьевны кошек отродясь не водилось, мой же Персик рыжий, как медный таз, серой шерсти он при всём старании наронять не мог. Откуда же взялся этот клочок? Ответ один: его оставило серое животное, которое зацепилось за край тумбочки. И этим животным был Барсик. Запрыгнул с карниза на подоконник, сунулся в комнату, задел вазу, та полетела вниз — грохот, звон, осколки. А виновник тем временем дал стрекача обратно по карнизу. Потому что и подушка диванная оказалась сброшена на пол — кот, удирая, смахнул и её.

А мой Персик? А Персик в этом деле сыграл роль безупречного эксперта-криминалиста. Заметьте, как он себя вёл. Он не зашипел ни на одного из людей — ни на Виталика, ни на Нину Степановну, ни на Любу. А ведь если бы вазу разбил кто-то из них, рыжий непременно учуял бы ложь и поднял шум, как он это сделал с Анжелой в прошлом деле. Но нет — на людей ноль внимания. Зато он напрямик направился к окну, обнюхал подоконник, заглянул за штору, потыкал лапкой и многозначительно уставился в окно. Это была его подсказка, его указующий перст: ищи, хозяйка, не среди гостей, а вон там, за окном, на карнизе. Кот по-своему, по-кошачьи, сразу понял, что тут наследил собрат. Учуял чужой кошачий запах — оттого и заинтересовался так подоконником. Молодчина, рыжий. А я лишь сложила его подсказку с уликами и сделала вывод.

Теперь — почему я с самого начала отмела людей. Виталик, шалопай, божился, что не выходил из кухни, и хоть он привирал — отлучался покурить, — но к вазе это его не приближает, мотива ломать тётушкино добро у него нет, да и следов человеческих у тумбочки не нашлось. Люба, домработница, протирала пыль ещё с утра, до гостей, и сама сказала: ваза тогда стояла целёхонькая. А разбилась-то она при нас, когда Люба убиралась в дальних комнатах. Значит, к моменту катастрофы её в гостиной и близко не было. Все люди отпадают по простой причине: ни у кого нет ни следов, ни шерсти, ни мотива, а главное — Персик на них не реагирует.

А вот теперь — второй, самый важный урок этого дела. Обратите внимание на поведение соседки Нины Степановны. Кто громче всех кричал и валил вину на беззащитную Любу? Именно она. «Домработница задела, неуклюжая!» А у самой-то, голубушки, на коленях юбки серые шерстинки — те же, что и на тумбочке. Откуда? Да от собственного Барсика, которого она тискала перед выходом. Получается, преступником был её кот, она это вполне могла подозревать — про карниз-то сама же и проболталась! — но вместо того, чтобы честно признать вину своего питомца и предложить возместить ущерб, она принялась переводить стрелки на ни в чём не повинную девушку. Вот это, дорогие мои, и есть самое некрасивое во всей истории. Ваза — дело наживное, склеить можно или новую купить. А вот чуть не очернить невинного человека, лишь бы выгородить себя, — это поступок, за который должно быть стыдно. И я, признаюсь, высказала Нине Степановне всё, что о её манёврах думаю, прямо там же, при всех. Барсика, конечно, ругать без толку — он животное, с него спрос невелик. А вот хозяйке за ложь досталось по полной.

Кончилось всё, к счастью, миром. Нина Степановна, припёртая уликами, покраснела, повинилась и пообещала Раисе Игнатьевне возместить стоимость вазы — благо ваза хоть и старинная, а оценщик потом сказал, что цена ей была не такая уж заоблачная, как думала хозяйка. Люба, бедняжка, получила извинения, а Раиса Игнатьевна с тех пор окно у ценных вещей держит закрытым на щеколду. Мораль простая: дорогие вещи и открытые окна — соседи опасные. А ещё: прежде чем тыкать пальцем в другого, проверь, не на твоей ли юбке улика.

Ну а Персик мой получил за это дело особую благодарность. Раиса Игнатьевна, устыдившись, что хотела на него поклёп возвести, самолично сбегала в магазин и принесла рыжему баночку самой дорогой икры. Кот съел всё до икринки, облизнулся и развалился на хозяйкином кресле с видом оскорблённой невинности, которой наконец-то воздали должное. Дескать, то-то же, в следующий раз думайте, прежде чем на меня грешить.

А теперь, как водится, подсчитаем ваши очки. Заведите тот самый листочек «Проверь себя» и впишите второе дело. Виновного я объявляю так: серый кот Барсик соседки Нины Степановны. Если вы догадались, что вазу разбило животное, а не человек, — смело ставьте себе плюс, вы молодец, не пошли на поводу у ложных следов. Если вдобавок сообразили, что хозяйка Барсика, Нина Степановна, нарочно валила вину на Любу, чтобы выгородить своего питомца, — ставьте себе жирный плюс с восклицательным знаком, вы ухватили самую соль. А вот если вы поспешили обвинить Любу или Виталика — не огорчайтесь, поставьте минус и запомните на будущее: проверяйте улики, а не слушайте того, кто громче всех кричит. Часто именно крикун-то и есть тот, кому есть что скрывать.

Считаю нужным напомнить вам важное правило, которое пригодится в дальнейших делах. Не всякий виновник — человек. Иногда разгадка проще, чем кажется, и преступление вовсе не злой умысел, а нелепая случайность. Но даже в случайности находится тот, кто пытается на ней нажиться или свалить вину на другого. Вот этого-то второго и надо выводить на чистую воду. Кот вазу разбил по кошачьей дурости, спрос с него мал. А человек, который врёт и подставляет, — вот настоящий нарушитель спокойствия.

Итак, два дела позади. Если вы шли со мной нога в ногу и оба раза попали в точку — у вас уже два очка в копилке, отличное начало, так держать. Впереди нас ждёт дело третье, под названием «Лишний чек». И вот там уже придётся попотеть с цифрами — а цифры, как вы знаете, моя родная стихия. Так что точите карандаши, наливайте свежего чая, а я пока докладываю Персику новую порцию икры. Заслужил, рыжий гений. Без его носа, чующего чужого кота за версту, я бы, может, и не сразу сообразила, куда смотреть. Отдыхаем — и за следующую загадку!

Лишний чек

Дело третье, дорогие мои, было прямо по моей бухгалтерской части — тут уж я, что называется, оказалась в своей стихии, как рыба в воде. И касалось оно того, что я люблю больше всего на свете после Персика: цифр, чеков и аккуратной отчётности. А завелось всё с того, что обратилась ко мне ещё одна знакомая, Валентина Сергеевна Кораблёва, хозяйка небольшого, но бойкого магазинчика хозтоваров под названием «Всё для дома». Ну, знаете, такие милые лавочки, где можно купить и веник, и кастрюлю, и моток верёвки, и набор отвёрток — словом, всё, что нужно рачительному хозяину.

Валентина Сергеевна — женщина деловая, цепкая, копейку считать умеет, недаром мы с ней приятельствуем. И вот прибегает она ко мне как-то вечером сама не своя, бледная, с папкой бумаг под мышкой, и с порога выпаливает:

— Тасенька, выручай! У меня в магазине деньги пропадают, а откуда — ума не приложу. Касса вроде сходится, товар на месте, а прибыль тает на глазах. Чует моё сердце — кто-то ворует, да так ловко, что не подкопаешься. Помоги, ты ж бухгалтер от бога!

Усадила я её, налила чаю, Персик тут же запрыгнул на стол — он у меня страсть как любит, когда при нём бумагами шуршат, — и принялись мы разбираться. Валентина Сергеевна выложила передо мной целую стопку кассовых чеков и отчётов за последнюю неделю. Дескать, гляди, всё чин по чину, каждая копеечка проведена, а денег всё равно недостаёт. Тысяч пять за неделю как ветром сдуло.

Стала я вникать в суть дела. В магазинчике у Валентины Сергеевны работали посменно двое продавцов. Первая — Танечка, молоденькая девушка, студентка, подрабатывала после учёбы, девица бойкая, шустрая, но, как мне показалось, честная. Вторая — Маргарита Львовна, женщина в возрасте, опытная, проработала в торговле всю жизнь, держалась солидно, с достоинством. И обе, разумеется, в один голос твердили, что к деньгам отношения не имеют и работают честно.

Касса в магазине была одна, общая, и каждый продавец, отстояв смену, сдавал выручку и пробитые чеки. Всё фиксировалось — какой товар продан, на какую сумму, в какое время пробит чек. Современная техника, не подкопаешься, всё в памяти кассового аппарата.

Танечка работала в первую смену, с утра до обеда, а Маргарита Львовна — во вторую, с обеда до закрытия. Иногда они пересекались на полчаса, когда передавали друг другу кассу.

Начала я, как водится, с самого начала — с чеков. Разложила их по времени, по порядку, как карты в пасьянсе. И тут моё бухгалтерское чутьё сразу зацепилось за одну странность. Среди чеков был один, который явно выбивался из общей картины. Чек на крупную сумму — почти три тысячи рублей за какой-то дорогой набор инструментов. Сам по себе чек как чек, ничего особенного. Но вот незадача: пробит он был в то время, когда, согласно графику, в магазине вообще никого из продавцов быть не должно. А именно — рано утром, ещё до открытия, в семь часов пятнадцать минут. Магазин-то открывался в девять.

— Валентина Сергеевна, — спрашиваю, — а кто ж у вас торгует в семь утра, когда магазин закрыт?

Та руками развела:

— Так никто, Тасенька! Мы в девять открываемся, какие в семь утра покупатели?

Призадумалась я. Чек есть, время на нём стоит, товар по бумагам продан, деньги в кассу как бы поступили. Но покупателя-то в семь утра быть не могло! Магазин заперт. Значит, чек этот — пустышка, фикция, его пробили просто так, для отвода глаз. А вот зачем?

Тут-то я и смекнула: а ведь это классическая схема, дорогие мои. Чтобы скрыть кражу денег из кассы, ловкий продавец пробивает фальшивый чек на продажу товара, которого на самом деле не было. По бумагам выходит, будто товар продан и деньги за него поступили. А

на деле и товар остался на полке, и деньги осели в чужом кармане. Вот вам и «лишний чек» — он создаёт видимость законной операции там, где её не было.

Решила я копнуть глубже. Стала сверять, какой товар проходил по этому подозрительному чеку. Набор инструментов за две тысячи восемьсот рублей. Пошли мы с Валентиной Сергеевной в магазин, проверили склад и полки. И что же? Все наборы инструментов оказались на месте, ни один не продан! Стало быть, чек точно липовый — товар цел, а деньги по бумагам как бы ушли.

Теперь оставалось понять, кто его пробил. И вот тут я призвала на помощь своего рыжего консультанта. Привезла Персика в магазин, посадила на прилавок возле кассы. Вызвали мы обеих продавщиц — будто бы для обычного разговора, чтобы не спугнуть.

Танечка вошла первой, держалась спокойно, на кота поглядела с улыбкой, даже погладить попыталась. Персик отнёсся к ней благодушно — потёрся об руку, замурчал. А вот когда в подсобку заглянула Маргарита Львовна, рыжий мой вдруг весь напрягся, привстал, шерсть на спине вздыбилась, и он издал то самое утробное ворчание — не на саму даму даже, а на бумаги, что она держала в руках. Это была её личная папка со сменными отчётами. Персик уставился на эту папку и заворчал так, будто там лежала не бумага, а сам нечистый.

Я, конечно, виду не подавала, но намёк поняла. Стала расспрашивать дальше. И вот что выяснилось при сверке времени смен. Подозрительный чек был пробит в семь пятнадцать утра. Танечка, по графику и по записям, приходила к открытию, к девяти, и раньше у неё ключей от магазина не было — ключи от помещения имелись только у самой Валентины Сергеевны и у старшего продавца. А старшим продавцом, с правом открывать и закрывать магазин, держать запасные ключи и приходить раньше всех, была именно Маргарита Львовна. Опытная, заслуженная, с полным доверием хозяйки.

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Есть чек на крупную сумму, пробитый в семь пятнадцать утра, когда магазин ещё закрыт. Товар, который по этому чеку якобы продан, преспокойно стоит на полке — значит, продажа фальшивая. Ключи от магазина, позволяющие войти раньше открытия и поработать с кассой в одиночку, есть только у хозяйки и у старшего продавца Маргариты Львовны. Танечка к девяти приходит и ключей не имеет. А Персик ворчит именно на папку с отчётами Маргариты Львовны.

Так кто же обкрадывал Валентину Сергеевну и каким хитрым способом? И как именно я, разложив чеки по полочкам, вычислила мошенника? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут всё дело в одном-единственном чеке, который оказался лишним.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, наворчавшись на подозрительную папку, преспокойно разлёгся прямо на кассовом прилавке, накрыв своим рыжим пузом стопку чеков, и уставился на Маргариту Львовну немигающим взглядом. Та занервничала, стала суетливо перебирать бумаги, обронила пару листков, наклонилась их поднимать — и я заметила, как у неё дрожат руки. Вот оно, думаю, рыльце-то в пушку. Честному человеку чего дрожать? А Валентина Сергеевна шепчет мне на ухо: «Тасенька, неужто Маргарита? Да я ж ей как себе доверяла, ключи дала, в старшие продавцы поставила!» А я ей в ответ: вот потому-то, голубушка моя, и обворовать тебя легче всего было именно тому, кому ты доверяла. Доверие — штука хорошая, но проверочка ещё никому не вредила. Особенно когда дело касается кассы.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока проверим остальные чеки за месяц — что-то мне подсказывает, лишний чек в этой папке окажется не единственным.

Разгадка: Лишний чек

Ну что же, дорогие мои бухгалтеры-любители и начинающие сыщики, время свести дебет с кредитом и подбить итог третьего дела. Надеюсь, вы не дали маху и верно вычислили, кто запускал руку в кассу Валентины Сергеевны. Объявляю официально: воровкой оказалась старший продавец Маргарита Львовна, та самая солидная, заслуженная дама с тридцатилетним стажем, которой хозяйка доверяла как самой себе. Вот вам и заслуженный работник. А способ кражи был хитрый, но для опытного бухгалтерского глаза совершенно прозрачный. Сейчас я разложу всё по полочкам, как привыкла, и вы убедитесь, что разгадка лежала на поверхности — стоило только внимательно посмотреть на цифры и время.

Начнём, как водится, с самого начала — с природы пропажи. Валентина Сергеевна билась головой об стену: касса сходится, товар на месте, а деньги тают. И вот это её недоумение — ключ ко всему делу. Запомните, дорогие мои: если касса формально сходится, но прибыль всё равно куда-то утекает, значит, кражу маскируют документами. Просто вытащить деньги из ящика нельзя — недостача тут же вылезет при сверке выручки с чеками. А вот если пробить лишний чек на товар, которого на самом деле не продавали, то по бумагам всё гладко: вот товар как бы ушёл, вот деньги как бы пришли. Касса сходится копейка в копейку. А разница — те самые наличные за непроданный товар — преспокойно перекачывается в карман мошенника. Товар-то стоит на полке, его потом можно продать ещё раз, уже по-настоящему, и снова положить выручку себе. Хитро? Хитро. Но не для того, кто умеет читать чеки.

Теперь — главная улика, тот самый лишний чек, ради которого и названо дело. Разложив чеки по времени, как карты в пасьянсе, я мгновенно зацепилась за один, который выбивался из общей картины. Чек на крупную сумму — две тысячи восемьсот рублей за дорогой набор инструментов. Сам по себе ничем не примечателен, мало ли дорогих покупок. Но вот время! Пробит он был в семь часов пятнадцать минут утра. А магазин, как мне сразу сказала Валентина Сергеевна, открывается только в девять. Спрашивается: какой покупатель явится за отвёртками в семь утра в закрытый магазин? Да никакой. Покупателя в эту минуту физически быть не могло. А чек есть. Вот вам и нестыковка во времени — моя любимая зацепка, та самая, на которой погорела и Анжела в первом деле. Время не врёт, врут люди. Если операция значится тогда, когда её не могло быть, — значит, операция фальшивая.

Дальше я не поленилась и проверила сам товар. Это, кстати, важнейшее правило хорошего бухгалтера: не верь бумаге на слово, сверь её с действительностью. Пошли мы с Валентиной Сергеевной в торговый зал, на склад, пересчитали все наборы инструментов. И что же? Все на месте, до единого, ни один не продан! А чек-то на продажу пробит, деньги по нему как бы поступили. Вот и доказательство, что чек липовый: товар цел, лежит на полке, а в отчёте числится проданным. Деньги за эту мнимую продажу осели в кармане у того, кто чек пробил. Схема вскрылась полностью.

Оставалось ответить на главный вопрос: кто? И тут в дело вступила арифметика доступа, чистая, как слеза. Подозрительный чек пробит в семь пятнадцать утра, за полтора часа до открытия. Чтобы оказаться в магазине в это время, нужно его отпереть. А ключи от помещения, как выяснилось, были только у двоих — у самой хозяйки Валентины Сергеевны и у старшего продавца Маргариты Львовны, которой по должности полагалось открывать и закрывать магазин. У молоденькой Танечки ключей не было вовсе — она приходила к девяти, к открытию, на готовенькое. Стало быть, Танечка при всём желании не могла оказаться в торговом зале в семь утра и пробить тот чек. Дверь для неё была закрыта. А вот Маргарита Львовна могла войти когда угодно — хоть в семь, хоть в шесть. Круг подозреваемых сузился до одного человека. Хозяйку, понятное дело, я в расчёт не беру — не станет же она сама у себя воровать, да ещё ко мне за помощью бежать.

Заметьте, дорогие мои, как красиво всё сошлось без всяких отпечатков пальцев и без камер. Чисто на логике и цифрах. Лишний чек указал на способ. Время на чеке — семь пятнадцать утра — указало на момент. А список владельцев ключей указал на единственного человека, который в этот момент мог оказаться внутри. Танечка отпадала автоматически, потому что не имела физической возможности войти. Остаётся Маргарита Львовна. Как говорил дядя Аркадий, отбросьте невозможное, и то, что останется, и будет правдой, какой бы неожиданной она ни казалась. А неожиданного тут, признаться, мало: чаще всего ворует именно тот, кому больше всех доверяют и кого меньше всех проверяют.

Теперь про моего рыжего консультанта. Помните, как вёл себя Персик? На Танечку — ноль реакции, потёрся, замурчал, дал себя погладить. Чистый человек, кот фальши не учуял. А вот стоило войти Маргарите Львовне с её папкой сменных отчётов, как рыжий весь ошетинился и заворчал — причём не на саму даму, а именно на бумаги в её руках. И это не случайно! Персик, как известно, чует подделку в документах не хуже, чем дядя Аркадий чуял фальшивого Фаберже. В той папке лежали поддельные, подтасованные отчёты — те самые, которыми прикрывалась кража. Кот учуял фальшь бумаг и подал мне знак: гляди, хозяйка, вот здесь враньё, в этих листочках. И он был абсолютно прав. Но, как я всегда повторяю, кот только подсказал направление. Доказала вину я сама — сверкой времени, проверкой товара и анализом, у кого были ключи. Персик — нос, я — голова. Так у нас с ним всё и устроено.

Чем кончилось дело? Припёртая к стенке уликами, Маргарита Львовна сначала упиралась, а потом, когда я разложила перед ней все чеки с пометками по времени да показала непроданные наборы инструментов на полке, сникла и во всём призналась. Оказалось, проворачивала она этот фокус уже не первый месяц — пробивала липовые чеки спозаранку, до прихода Танечки, а наличные таскала домой. Думала, опытную её никто не выведет на чистую воду, тем более что хозяйка доверяла безоговорочно. Деньги частью вернула, частью обязалась возместить, а с работы, само собой, вылетела с волчьим билетом. Валентина Сергеевна, бедная, расстроилась — столько лет вместе, — но я ей сказала: радуйся, голубушка, что вовремя спохватилась, иначе она бы тебя по миру пустила. И ещё посоветовала на будущее золотое правило: доверяй, но проверяй, особенно того, у кого ключи от кассы. А ещё — заведи порядок, чтобы кассовый аппарат нельзя было запустить раньше времени открытия, и регулярно сверяй остатки товара с проданным по чекам. Тогда никакой лишний чек незамеченным не проскользнёт.

А мораль этого дела такая, и я прошу вас её хорошенько запомнить, потому что в нашей книге она ещё не раз пригодится: цифры и время не умеют лгать. Соврать может человек, а вот чек, пробитый в семь утра в закрытом магазине, выдаёт обман с головой. Ищите несостыковки в датах, во времени, в количестве товара — и любая хитрая схема рассыплется, как картонный домик. Бухгалтерия — наука честная, она всё видит.

Ну а теперь — наш любимый момент, подведение итогов и подсчёт очков. Доставайте свой листочек «Проверь себя», вписывайте третье дело. Виновная — Маргарита Львовна, старший продавец. Если вы её назвали — смело ставьте плюс в третий столбец, вы молодчина. Если вдобавок в четвёртом столбце, где мы отмечаем способ, вы записали, что разгадали схему с фальшивым чеком на непроданный товар, — ставьте себе жирный плюс, вы мыслите, как настоящий ревизор. А если вы ещё и сообразили, почему Танечка чиста — потому что у неё попросту не было ключей, и она не могла войти до открытия, — то снимаю перед вами шляпу, из вас выйдет первоклассный сыщик-бухгалтер. Если же вы поддались на ложный след и заподозрили шуструю Танечку только потому, что молодая да бойкая, — не огорчайтесь, ставьте минус и запоминайте урок: подозревать надо не по внешности и не по характеру, а по фактам и возможностям. У кого была физическая возможность совершить преступление? Вот с этого вопроса и начинайте всегда.

Подведём промежуточный баланс, я ведь бухгалтер, без баланса не могу. Позади три дела: пропавшая премия, разбитая ваза и лишний чек. Если вы шли со мной плечом к плечу и угадали всех троих — Анжелу, кота Барсика с его лукавой хозяйкой и Маргариту Львовну, — то у вас уже три очка в копилке. Растёте на глазах, я вами горжусь. Если где-то споткнулись — не беда, дел впереди ещё много, наверстаете. Главное — учитесь подмечать детали и сверять одно с другим, ведь именно в мелочах, как я люблю повторять, чёрт и прячется.

А мы с Персиком, как полагается, отметим раскрытие дела. Достаяю я заветную баночку, накладываю рыжему гению полную ложку икры — заслужил, нечего сказать, без его ворчания на ту папку я бы, может, и не так быстро уверилась в своей правоте. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня снисходительно, будто говорит: видишь, человек, без меня бы ты пропала. Ну пусть себе думает, мне не жалко, лишь бы дело делал. Впереди нас ждёт загадка опоздавшего гостя — а там, чую я, придётся повозиться со временем и алиби. Так что точите карандаши, заваривайте свежий чай, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит.

Загадка опоздавшего гостя

Дело четвёртое случилось на дне рождения, и, скажу я вам, нет ничего хуже, чем выводить вора на чистую воду посреди праздничного застолья, когда вокруг шарики, торт и все веселятся. Но что поделать — преступления, как и гости, приходят без приглашения. А дело вышло прелюбопытное, всё построенное на времени, на минутах и часах, а время, как вы уже знаете, моя любимая стихия. Так что слушайте.

Праздновала юбилей моя добрая знакомая, Лидия Аркадьевна Соколова, женщина хлебосольная и со вкусом. Пятьдесят пять лет — дата солидная, и отметить её решили с размахом, в просторной квартире, куда созвали человек пятнадцать гостей. Я, понятное дело, тоже была приглашена, и Персик со мной — Лидия Аркадьевна, как и многие мои знакомые, кота моего обожала и всегда ему была рада, выделяла отдельную тарелочку с угощением.

И вот в самый разгар торжества, когда уже отгремели первые тосты, и гости разбрелись кто куда — кто на балкон, кто на кухню, кто в гостиную, — хозяйка вдруг обнаружила пропажу. У неё в спальне, в шкатулке на трюмо, лежал дорогой подарок от мужа — золотой браслет с изумрудами, который она собиралась надеть к торжественному выходу. И вот этот-то браслет испарился. Лидия Аркадьевна, бедная, чуть в обморок не упала. Праздник, само собой, увял на корню.

Стали разбираться. Браслет точно был на месте в семь часов вечера — хозяйка сама его доставала, любовалась, потом положила обратно и пошла встречать гостей. А пропажу обнаружила в половине девятого, когда заглянула в спальню переодеться. Стало быть, украли браслет где-то в этот промежуток — между семью и половиной девятого. Спальня была в конце коридора, чуть на отшибе, и проскользнуть туда незаметно мог, в принципе, любой.

Круг подозреваемых, по здравому размышлению, сузился до троих гостей, которые в нужный промежуток отлучались из-за стола поодиночке и могли пройти мимо спальни.

Первый — Эдуард, дальний родственник хозяйки, мужчина холёный, в дорогом костюме, но, по слухам, по уши в долгах. Он заявил, что около восьми вечера выходил в прихожую — позвонить по телефону, дескать, по важному делу, а в спальню и носу не казал.

Вторая — Жанна, подруга юбилярши, дама энергичная и громкая. Сказала, что отлучалась минут на десять припудрить носик в ванной, а потом сразу вернулась за стол, и никуда больше не ходила.

Третий — Семён, сосед Лидии Аркадьевны, скромный тихий мужчина. Он сообщил, что выходил на балкон покурить, простоял там довольно долго, любуясь вечерним городом, а после вернулся к гостям. В спальне, говорит, его и близко не было.

Стала я, как водится, прикидывать время и сопоставлять. И вот тут начались интересные вещи. Я ведь, сидя за столом, поневоле приглядывалась к гостям — привычка такая. И кое-что заметила.

Во-первых, на улице в тот вечер, часов с восьми, зарядил приличный дождь — я сама слышала, как он барабанит по подоконнику, и видела, как капли стекают по стёклам. Хороший такой, обложной дождь, с ветром.

Во-вторых, я обратила внимание на одну деталь в показаниях Семёна, соседа. Он сказал, что простоял на балконе довольно долго, покуривая и любуясь вечерним городом. Но когда он вернулся в комнату, я заметила, что он совершенно сухой — ни капли на плечах, ни мокрых волос, и пиджак сухохонек. А балкон у Лидии Аркадьевны, я это точно знала, не застеклённый, открытый всем ветрам. Простоять на открытом балконе долго под обложным дождём и остаться сухим — это, согласитесь, фокус не из простых.

В-третьих, Эдуард уверял, будто звонил по телефону из прихожей по важному делу. Я мимоходом полюбопытствовала — мол, дозвонились ли? А он смешался и пробормотал что-то невнятное. Странно для человека, у которого якобы важный звонок.

И тут в дело вступил мой Персик. Рыжий мой, нагулявшись по квартире, вдруг вернулся в гостиную и направился напрямик к Семёну, соседу. Покрутился возле его ног, принялся к брючине — и вдруг утробно заворчал, прижав уши. На Эдуарда — ноль внимания. На Жанну — тоже. А вот на Семёна, тихоню-соседа, рыжий отреагировал так, будто учуял что-то скверное.

Я пригляделась к Семёну повнимательнее. И заметила любопытную вещь: брюки и ботинки у него были абсолютно сухие, а вот стоял он на балконе якобы долго, под самым дождём. Концы с концами не сходятся.

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Браслет пропал между семью и половиной девятого. С восьми часов на улице шёл обложной дождь с ветром. Семён утверждает, что всё это время простоял на открытом, незастеклённом балконе, покуривая, — но вернулся при этом совершенно сухим, ни единой капли на одежде. Эдуард мямлит про важный звонок, который то ли был, то ли нет. А Персик ворчит именно на Семёна.

Так кто же стащил золотой браслет с изумрудами? И как именно я, Таисия Цветкова, поймала вора на нестыковке во времени и обстоятельствах? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут вся соль в одной маленькой детали, которую легко проглядеть за праздничной суетой.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, наворчавшись на Семёна, не успокоился, а проследовал к дивану, на котором тот сидел, запрыгнул на подлокотник и принялся демонстративно обнюхивать диванную подушку, под которую сосед как бы невзначай подсунул руку, едва завязался разговор о пропаже. Лидия Аркадьевна, глядя на это представление, ахнула: «Тасенька, да что ж твой кот к Семёну привязался? Он же тишайший человек, мухи не обидит!» А я ей тихонько отвечаю: вот за тишайшими, голубушка моя, глаз да глаз нужен. Шумные да громкие — те всё на виду, а самое интересное обычно прячется у того, кто скромнее воды и ниже травы. Дождь на дворе льёт, а сосед наш с балкона сухой пришёл — это как же понимать прикажете? Не иначе как на балконе он и не был вовсе, а время это провёл совсем в другом месте. Например, в спальне у трюмо.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока приглядим за той самой диванной подушкой — что-то рыжий мой от неё никак отойти не желает.

Разгадка: Загадка опоздавшего гостя

Ну что, дорогие мои любители праздничных загадок, настало время разрезать торт истины и подать вам кусочек с разгадкой. Надеюсь, вы не дали себя оглушить шариками и громкими тостами и сумели разглядеть вора среди веселящихся гостей. Объявляю: золотой браслет с изумрудами стащил тихоня-сосед Семён. Тот самый скромник, что мухи не обидит, как уверяла наша добрая Лидия Аркадьевна. Вот вам и тишайший человек. А поймала я его, как водится, на одной-единственной нестыковке, мелкой да незаметной, но для меня говорящей громче любого крика. И сейчас я всё разложу по полочкам, чтобы вы убедились: никакого волшебства, чистая логика и внимание к деталям.

Начнём, как полагается порядочному сыщику, с самого простого вопроса — когда было совершено преступление. Браслет точно лежал в шкатулке на трюмо в семь часов вечера: хозяйка сама его доставала, любовалась, положила обратно и ушла встречать гостей. А пропажу обнаружила в половине девятого, когда заглянула в спальню переодеться. Стало быть, окно для кражи у нас узенькое — между семью и половиной девятого, то есть полтора часа. Запомните это время, оно нам ещё пригодится. Спальня располагалась в конце коридора, на отшибе, и проскользнуть туда незаметно мог любой, кто отлучался из-за стола поодиночке. Таких набралось трое: холёный должник Эдуард, громкая Жанна и скромник Семён. Вот с ними мы и будем разбираться.

Теперь — главная улика, на которой всё и держится. Самая, как говорится, соль. С восьми часов вечера на улице зарядил обложной дождь с ветром — я сама слышала, как он барабанит по стёклам, и видела струйки на окнах. Дождь, заметьте, не морозящий, а настоящий, с ветром, такой, под которым за минуту вымокнешь до нитки. А теперь вспомним, что говорил наш тихоня Семён. Он заявил, будто всё это время простоял на балконе — покуривал, любовался вечерним городом. Долго стоял, по его же словам. А балкон у Лидии Аркадьевны — и я это знала точно — открытый, не застеклённый, никакого козырька, всем ветрам и дождям открыт настежь. Так вот вопрос на засыпку: как же это человек простоял долго на открытом балконе под обложным дождём с ветром — и вернулся в комнату совершенно сухим? Ни капли на плечах, ни мокрых волос, пиджак сухохонек, брюки и ботинки — будто из шкафа. Это, дорогие мои, не просто странность. Это физически невозможно. Под таким дождём на открытом балконе сухим не останешься, хоть тресни.

Вывод напрашивается сам собой, и вывод этот железный: Семён на балконе не был. Соврал. А раз соврал про то, где провёл время, — значит, провёл его совсем не там, где говорит. И где же? Да там, куда ему как раз и нужно было незаметно проскользнуть, — в спальне у трюмо, возле заветной шкатулки. Алиби его про балкон рассыпалось от одной-единственной капли дождя, которой на нём не оказалось. Вот вам цена красивой выдумки. Как я люблю повторять: врать надо умеючи, а то на сухом пиджаке и погоришь. Кстати, заметьте, дорогие мои, этот трюк с сухой одеждой под дождём — родной братец того, что я упоминала ещё во вступлении: помните, я говорила про свидетеля с сухими ботинками, когда на улице ливень? Вот он, этот свидетель, во плоти. Природа — честнейший союзник сыщика. Дождь, снег, грязь, лужи — они не умеют врать в угоду человеку.

Теперь разберёмся с остальными двумя, чтобы вы поняли, отчего я их отмела и почему они оказались лишь ложными следами, расставленными, признаюсь, мною нарочно, по всем правилам честной игры. Возьмём Эдуарда, холёного должника. Казалось бы, первый кандидат: денег нет, костюм дорогой, привычки барские, а тут под носом золото с изумрудами. Классический мотив, прямо напрашивается. И вёл он себя подозрительно — мямлил про какой-то важный звонок, дозвонился ли, не дозвонился, толком не сказал. Но, дорогие мои, мямлить и красть — это, как говорят, две большие разницы. Я потом по-тихому проверила: Эдуард дей-

ствительно стоял в прихожей с телефоном, и звонок у него был, только не деловой, а самый что ни на есть стыдный — выпрашивал отсрочку у кредитора, оттого и смущался, оттого и блеял невнятно. Дельце для него позорное, не хотел при всех признаваться, что в долгах как в шелках. Но к браслету он рук не прикладывал. Смущение от стыда и смущение от вины — вещи разные, и опытный глаз их различает. А неопытный, бывает, и попадает на этой удочке.

Жанна, громкая подруга юбиляриши, и вовсе отпала легко. Отлучалась она в ванную припудрить носик, минут на десять, не больше, а ванная — вот она, рядом с гостиной, у всех на виду. В спальню в другой конец коридора она не ходила, да и времени бы не хватило. К тому же дамочка она хоть и шумная, но при деньгах и совершенно бескорыстная, мотива у неё никакого. Громкость, дорогие мои, не порок и уж тем более не улика. Я ведь вас в прошлых делах предупреждала: не верьте тому, кто громче всех. Но и обратное верно — не вешайте вину на человека только за то, что он шумный. Судите по фактам, по времени, по возможности, а не по громкости голоса.

Теперь — про моего рыжего консультанта, без которого, признаюсь, я бы, может, и не так скоро вгляделась в сухой пиджак Семёна. Помните, как вёл себя Персик? Нагулявшись по квартире, он вернулся в гостиную и направился напрямик к Семёну — покрутился у ног, принялся к брючине и утробно заворчал, прижав уши. А на Эдуарда и на Жанну — ноль внимания, ни единого недовольного мямка. Кот безошибочно выделил единственного лжеца и вора в комнате. И мало того — рыжий ведь не успокоился, а полез на диван, к той самой подушке, под которую Семён украдкой сунул руку, едва зашёл разговор о пропаже. Чувал мой Персик, что под подушкой нечисто. И ведь как в воду глядел: когда мы под этой подушкой пошарили, там и обнаружился пропавший браслет, который Семён впопыхах сунул туда, не зная, куда деть, — вынести-то из квартиры не успел, попался. Но, как я всегда говорю, кот лишь указал направление, ткнул носом, а доказала всё я сама — сухим пиджаком под мокрым дождём да браслетом под подушкой. Персик — нос, я — голова. Незыблемый наш порядок.

Чем же кончилось дело? Припёрла я Семёна к стенке вопросом простым, как дважды два: «А что ж, голубчик, вы под таким ливнем на открытом балконе четверть часа простояли, а сами сухонький, как сухарик? Дождик вас, что ли, стороной обходил?» Тут наш тихоня и переменялся в лице, побелел, потом побагровел, заёрзал. А когда я при всех вытащила браслет из-под диванной подушки, на которой он восседал, отпираться стало уже бессмысленно. Повинился. Оказалось, мужичок этот скромный давно положил глаз на хозяйкины украшения, всё высматривал да выжидал, а тут праздник, суматоха, гостей полон дом — улучил момент, шмыгнул в спальню, пока все думали, что он на балконе курит. Браслет схватил, а вынести побоялся — решил перепрятать в гостиную, под подушку, чтобы потом, при удобном случае, забрать. Да не учёл двух вещей: моего Персика и обложного дождя. Браслет, само собой, вернули Лидии Аркадьевне, та прослезилась от радости. А с Семёном по-соседски, без полиции, разошлись, но из дома, разумеется, выставили с позором, и больше его на порог не пускали.

А мораль этого дела такая, и вы её, надеюсь, уже усвоили: проверяйте не только слова, но и обстоятельства, в которые эти слова вплетены. Человек может складно врать про то, где он был и что делал, но его выдадут мелочи — сухая одежда под дождём, чистые ботинки в грязь, загар зимой, снег на плечах в июле. Природа и обстановка — честнейшие свидетели, их не подкупишь и не уговоришь. Сопоставляйте показания с тем, что было вокруг, — с погодой, со временем, с обстановкой. И ложь всплывёт, как масло на воде.

Ну а теперь — наш любимый ритуал, подсчёт очков. Доставайте листочек «Проверь себя», вписывайте четвёртое дело. Виновный — Семён, сосед. Если вы его называли — ставьте честный плюс, вы молодчина. Если вдобавок в графе про способ записали, что разоблачили его на сухой одежде под дождём, — ставьте жирный плюс с восклицательным знаком, вы ухватили самую соль и мыслите, как настоящий сыщик. А если вы ещё и не клюнули на холёного должника Эдуарда с его подозрительным мямленьем, поняв, что мотив — это ещё не доказа-

тельство, — то я снимаю перед вами шляпу, из вас выйдет первоклассный мастер. Если же вы поспешили обвинить Эдуарда только за то, что он в долгах и вёл себя нервно, — не огорчайтесь, ставьте минус и запоминайте урок: мотив сам по себе никого не уличает, нужны факты и нестыковки. А если повесили вину на громкую Жанну — тем более минус, и помните: громкость не преступление.

Подобьём баланс, я ведь без баланса жить не могу. Позади четыре дела: пропавшая премия, разбитая ваза, лишний чек и вот теперь браслет на дне рождения. Если вы шли со мной плечом к плечу и угадали всех — Анжелу, кота Барсика с лукавой хозяйкой, Маргариту Львовну и Семёна, — то у вас уже четыре очка в копилке, и вы уверенно шагаете к званию моего личного помощника. Если, где споткнулись — не беда, дел впереди ещё вон сколько, наверстаете с лихвой.

А мы с Персиком, как заведено, отметим удачу. Достая заветную баночку, накладываю рыжему гению полную ложку икры — заслужил, без его ворчания на Семёна да возни с подушкой я бы, глядишь, и провозилась дольше. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня снисходительно, будто говорит: то-то же, человек, без моего носа никуда. Ну пусть себе важничает, мне не жалко. Впереди нас ждёт дело пятое — «Кот указал на вора», и название это, согласитесь, моему рыжему напарнику особенно по душе. Так что точите карандаши, заваривайте чай покрепче, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит, а мы с Персиком ей в этом непременно поможем.

Кот указал на вора

Дело пятое носит название, которое моему рыжему напарнику особенно льстит, — «Кот указал на вора». И ведь не поспоришь: на сей раз Персик и впрямь сыграл первую скрипку, да так, что я только руками развела. Хотя, по чести говоря, окончательную точку всё равно ставила я, своей бухгалтерской головой. Но обо всём по порядку, иначе вы запутаетесь, а я этого, как вы знаете, терпеть не могу.

Случилось это дело в небольшой конторе, где работала моя приятельница, Ольга Тимофеевна Снегирёва. Контора занималась продажей и ремонтом всякой канцелярской техники — принтеры, копиры, прочая жужжащая мелочь. Народу там трудилось немного, человек семь, все друг друга знали как облупленных, чай вместе пили, дни рождения справляли. И вот в этом-то дружном коллективе случилась пренеприятнейшая история — пропали деньги. Да не казённые из сейфа, а из личной сумочки одной сотрудницы, что вдвойне обидно и подло.

А дело было так. У молоденькой сотрудницы по имени Алёнка был день полочки, и она, по неосторожности, принесла на работу крупную сумму наличными — копила на отпуск, хотела вечером по дороге домой в банк положить, на счёт. Деньги, тридцать с лишним тысяч, лежали у неё в кошельке, в сумочке, а сумочку она держала в нижнем ящике своего рабочего стола. И вот в обеденный перерыв, когда Алёнка отлучилась перекусить в кафе через дорогу, кошелек опустел. Деньги вытащили, а кошелек аккуратно положили обратно — видно, чтоб не сразу хватились. Алёнка, бедная, вернулась с обеда, полезла за помадой и обнаружила пропажу. Слезы, крик, переполох.

Позвала Ольга Тимофеевна меня — мол, Тасенька, выручай, в коллективе вор завёлся, а кто — непонятно, все клянутся, что ни при чём, работать невозможно, все друг на друга косятся. Приехала я, конечно, с Персиком — куда ж без него. Стала разбираться.

В обеденный перерыв в офисе, как выяснилось, оставались трое — те, кто не пошёл обедать в кафе, а перекусывал на месте или вовсе пропускал обед. Вот они, мои подозреваемые.

Первый — Геннадий Павлович, немолодой уже мастер по ремонту, мужчина основательный, рукастый. Сказал, что весь обед просидел в своей мастерской, чинил заклинивший копир, никуда не выходил и про Алёнкину сумочку слухом не слыхивал.

Вторая — Виктория, менеджер, дама модная, ухоженная, любительница дорогих вещей. Заявила, что обедала прямо за своим столом, ела салатик из контейнера, а потом листала журнал, и в Алёнкин стол, само собой, не заглядывала.

Третий — Боря, молодой курьер, парнишка простоватый, но добродушный. Сообщил, что прикорнул на диванчике в комнате отдыха, вздремнул после бутерброда, а проснулся уже к концу перерыва.

Стала я, как водится, осматриваться и сопоставлять. Сумочка лежала в нижнем ящике стола Алёнки. Ящик не взломан, открывался свободно — Алёнка его не запирала. Стало быть, вытащить кошелек мог любой, кто подошёл бы к столу. Никаких следов взлома, никаких отпечатков — деньги взяли голыми руками да аккуратно вернули кошелек на место.

И вот тут начал работать мой Персик. Я пустила рыжего погулять по офису — пусть, думаю, приняхается, осмотрится. Кот важно прошёлся вдоль столов, обнюхал Алёнкин ящик, потом направился к Геннадию Павловичу — потёрся о его рабочий стол, ничего, прошёл мимо. Заглянул к Боре в комнату отдыха, обнюхал диванчик, тоже спокойно. А вот когда подошёл к столу Виктории — рыжий мой вдруг замер, напрягся, шерсть на загривке поднялась, и он издал то самое утробное ворчание, прижав уши. Но ворчал он, заметьте, не на саму Викторию, которой в тот момент и за столом-то не было, а на её сумку — дорогую, кожаную, висевшую на спинке стула. Уставился на эту сумку и заворчал так, будто там сидела мышь.

Я, понятное дело, виду не подавала, но намёк свой рыжий мне подал ясный. Стала я приглядываться к Виктории внимательнее и расспрашивать всех ещё раз, дотошно.

И вот что выяснилось. Геннадий Павлович действительно чинил копир — я заглянула в мастерскую, аппарат был разобран, детали разложены, руки у мастера в тонере перепачканы, всё сходится, человек работал. Боря дремал в комнате отдыха — и сослуживцы подтвердили, что слышали из-за двери его богатырский храп весь перерыв напролёт, так что отлучиться незаметно он не мог.

А вот Виктория, наша модница, попалась на любопытной мелочи. Она сказала, что весь обед просидела за своим столом, ела салат из контейнера да листала журнал. Но я заметила одну деталь. Её стол стоял аккуратно рядом со столом Алёнки, дверца в дверцу. А ещё я обратила внимание на её слова про салат. Контейнер из-под салата стоял на столе, чистенький, вымытый, — а ведь Виктория уверяла, что ела на рабочем месте. Где же она его вымыла, не вставая? Кухонька-то с раковиной была в другом конце коридора. Стало быть, со своего места она всё-таки отлучалась — хотя бы помыть контейнер. А раз отлучалась и ходила по офису, то и алиби её «весь обед за столом» уже хромает.

Но это бы ещё полбеды. Главное было впереди. Я как бы между прочим спросила Викторию, не одолжит ли она мне ручку — свою я, дескать, забыла. И попросила достать из той самой кожаной сумки, на которую ворчал Персик. Виктория замешкалась, занервничала, полезла в сумку сама, прикрывая её рукой. И тут я заметила: в боковом кармашке мелькнула пачка новеньких, хрустящих купюр, перетянутых аптечной резинкой. А ведь зарплату в конторе, как мне сказала Ольга Тимофеевна, перечисляли на карту, наличными давно никто не получал. Откуда же у Виктории, скромного менеджера, целая пачка наличных в день, когда у Алёнки пропали как раз наличные?

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Деньги пропали из незапертого ящика в обеденный перерыв. В офисе оставались трое. Геннадий Павлович чинил копир — руки в тонере, аппарат разобран, алиби крепкое. Боря храпел на диванчике — сослуживцы слышали, отлучиться не мог. Виктория, чей стол стоит вплотную к Алёнкиному, уверяет, что весь обед не вставала с места, — но контейнер из-под салата вымыт, а помыть его можно лишь на кухне в другом конце коридора. И в её сумке, на которую ворчит Персик, обнаруживается пачка наличных, тогда как зарплату все получают на карту.

Так кто же обчистил кошелек бедной Алёнки? И как именно я, Таисия Цветкова, поймала воровку, идя по следу, который указал мне мой рыжий гений? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут вся соль в одной хозяйственной мелочи да в неожиданной пачке денег.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, наворчавшись на кожаную сумку, не пожелал оттуда уходить — уселся прямёхонько под стулом Виктории, обвинил себя хвостом и уставился на сумку немигающим зелёным взглядом, точно сторож у банковского хранилища. Виктория ёрзала, отодвигалась, пыталась согнать кота ногой — а рыжий ни в какую, сидит как приклеенный и ворчит. Ольга Тимофеевна, глядя на это, шепнула мне: «Тасенька, да что ж это твой кот к Викиной сумке прилип, будто там сметана спрятана?» А я ей тихонько: не сметана там, голубушка, а кое-что подороже сметаны. Чует моё сердце и кошачий нос — Алёнкины отпускные именно в этой сумочке отдыхают. Осталось только культурно их оттуда извлечь да хозяйку за руку поймать. Что я вскорости и проделала.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока посторожим ту кожаную сумочку — рыжий мой от неё, я гляжу, отходить категорически не намерен, и правильно делает.

Разгадка: Кот указал на вора

Ну что, дорогие мои начинающие сыщики, настал час подвести черту под пятым делом и назвать имя той, кто запустил пальчики в чужой кошелёк. Надеюсь, вы доверились моему рыжему гению и не побрезговали приглядеться к той самой кожаной сумке. Объявляю официально: деньги у бедной Алёнки украла модница Виктория, тот самый менеджер с пристрастием к дорогим вещичкам. И поймали мы её, по совести, говоря, на пару с Персиком — он указал направление, а я довела дело до ума. Сейчас всё разложу по полочкам, чтобы вы убедились: никакой мистики, чистый расчёт да внимание к мелочам.

Начнём, как водится, с самой механики кражи. Деньги, тридцать с лишним тысяч, лежали в кошельке, в сумочке, в нижнем незапертом ящике Алёнкиного стола. Заметьте — незапертом. Это, дорогие мои, та самая беспечность, которая так и манит нечистого на руку человека. Кошелёк опустошили, а сам кошелёк аккуратненько вернули на место — чтобы пропажа обнаружилась не сразу, чтобы выгадать время и замести следы. Уже по одной этой детали видно: работал не случайный человек с улицы, а свой, кто знал и про получку, и про то, где Алёнка держит сумочку, и кто рассчитывал, что в суматохе на него не сразу подумают. Своих-то подозревать неловко, все ведь чай вместе пьют.

Подозреваемых, как вы помните, было трое — те, кто остался в офисе во время обеда. И двоих я отмела сразу, по железным основаниям. Геннадий Павлович, мастер, чинил заклинивший копир — я своими глазами видела разобранный аппарат, разложенные детали и руки мастера, перепачканные тонером по самые локти. Тонер, дорогие мои, штука приметная, въедливая, его так просто не сымитируешь и не смоешь в одну минуту. Человек и впрямь возился с техникой весь перерыв, отлучиться да обчистить стол он не мог — был занят по уши, в прямом и переносном смысле. Алиби крепкое, вещественное, подтверждённое грязными руками. Боря, курьер, и вовсе вне подозрений: он дрых на диванчике в комнате отдыха, и его богатырский храп слышали из-за двери все сослуживцы напролёт весь обед. Храпящий человек, согласитесь, физически не может в это же время красть деньги в другом конце офиса. Храп — алиби пусть и забавное, но безупречное. Двое отпали. Остаётся Виктория.

А теперь — самое вкусное, та самая хозяйственная мелочь, на которой держится всё дело. Виктория клялась и божилась, что весь обед просидела за своим столом, не вставая: ела салатик из контейнера да листала журналчик. Картинка благодатная, не подкопаешься. Но я, как человек дотошный, зацепилась за пустяк, мимо которого девять из десяти прошли бы не глядя. Контейнер из-под салата стоял на её столе чистенький, вымытый. А теперь подумайте, дорогие мои: где же это она его вымыла, если, по её словам, с места не вставала? Раковина-то, кухня с водой — в другом конце коридора! Грязный контейнер сам себя не моет, водопровода у Виктории на столе не проведено. Стало быть, она всё-таки вставала, всё-таки ходила по офису, всё-таки отлучалась со своего места. А раз так — её клятвенное «весь обед за столом сидела, никуда не двигалась» разлетается в пух и прах. Соврала. И вот вам вопрос, который я всегда задаю в таких случаях: зачем человеку врать, что он не вставал, если ему нечего скрывать? Честному незачем. А вот тому, кто за время своей отлучки успел заглянуть в соседний ящик, — очень даже есть зачем. Тем более что стол Виктории стоял вплотную к Алёнкиному, дверца в дверцу, — руку протяни, и готово.

Но и это бы ещё полбеда, мелкая нестыковка, на одном контейнере обвинение не построишь. Главная улика была впереди. Помните, я попросила у Виктории ручку — будто свою забыла — да попросила достать из той самой кожаной сумки? Уловка, конечно, нехитрая, но действенная. Виктория занервничала, полезла в сумку сама, прикрывая её ладонью, точно курица крыло над цыплятами. И в боковом кармашке мелькнула пачка новеньких хрустящих купюр, перетянутых аптечной резинкой. А зарплату в конторе, как мне сказала Ольга Тимофе-

евна, давным-давно перечисляют на карту, наличными никто не получает. Откуда же у скромного менеджера в день кражи целая пачка наличных, да ещё и спрятанная подальше, в кармашек, под прикрытые ладони? Тут даже к гадалке не ходи. Те самые Алёнкины отпускные и есть, никуда они из конторы не уплывали, а просто переехали из одного стола в соседнюю сумочку.

Теперь — про моего рыжего консультанта, ведь дело так и названо: «Кот указал на вора». И указал, надо сказать, безошибочно. Помните, как Персик прошёлся по офису? Мимо стола Геннадия Павловича — спокойно. Мимо Бориного диванчика — спокойно. А вот у стула Виктории замер, ошетинился и заворчал — причём не на саму даму, которой и за столом-то в тот миг не было, а именно на её кожаную сумку. Чувал мой нюхач, что в сумке нечисто, что лежат там денежки, добытые враньём и воровством. Кот фальшь и подлость носом чувствует, я вам это уже не раз говорила. И мало того — он ведь не отошёл, а уселся под стулом сторожем и ворчал, пока Виктория ёрзала да пыталась согнать его ногой. Рыжий держал оборону у вещественного доказательства, как часовой у склада. Но — и тут я в который раз повторю наш незыблемый закон — кот лишь указал направление, ткнул носом, куда смотреть. А доказала вину я сама: вымытым контейнером, что выдал её хождения, да пачкой наличных в сумке, которой взяться было неоткуда. Персик — нос, я — голова. Так у нас заведено, и менять мы этот порядок не собираемся.

Чем кончилось? Припёрла я Викторию к стенке двумя вопросами. Сперва ласково: «А контейнер-то, голубушка, кто ж тебе вымыл, коли ты с места не вставала? Не кот же мой лапками сполоснул?» Она побледнела, замямлила, что, мол, на минутку всё же выходила, запамтовала. «Ага, — говорю, — выходила. А пачка наличных в сумочке откуда, в день, когда у Алёнки ровно столько же пропало, да при том, что зарплату вам всем на карту шлют?» Тут наша модница и сломалась. Расплакалась, повинилась. Оказалось, жила не по средствам, всё хотелось ей сумочек да тряпочек получше, влезла в долги, а тут увидела, как Алёнка хвасталась пачкой отпускных и сунула в незапертый ящик. Не устояла. В обед, пока все разбрелись, под предлогом помыть контейнер прошлась по офису, улучила момент, вытащила деньги, кошелек вернула на место, а наличные — к себе в сумку. Думала, на своих не подумают, все ж свои. Деньги Алёнке вернули до копейки, прямо там пересчитали. А Викторию Ольга Тимофеевна, поразмыслив, уволила без шума, но с волчьим билетом — воровка в дружном коллективе хуже занозы.

Мораль этого дела такая, и вы её, надеюсь, уже намотали на ус: мелочей в нашем деле не бывает. Вымытый контейнер, сухой пиджак, чек в неурочный час — на таких пустяках и сыплются преступники. Человек врёт складно про большое, а на крошечной хозяйственной детали и спотыкается, потому что её, мелочь эту, продумать не догадался. Глядите в оба на быт, на обстановку, на то, что не вяжется одно с другим, — и любая ложь всплывёт. А ещё запомните: своих подозревать неприятно, душа противится, но вор чаще всего и прячется среди своих, рассчитывая как раз на это нежелание думать дурное о ближнем.

Ну а теперь — наш любимый ритуал, подсчёт очков. Доставайте листочек «Проверь себя», вписывайте пятое дело. Виновная — Виктория, менеджер. Если вы её назвали — ставьте честный плюс, вы умница. Если вдобавок в графе про способ записали, что разоблачили её на вымытом контейнере, который выдал хождения, да на пачке наличных в сумке, — ставьте жирный плюс с восклицательным знаком, вы рассуждаете как заправский ревизор. А если вы при этом не польстились свалить вину на простоватого Борю или на угрюмого мастера Геннадия Павловича только за их неказистый вид — снимаю шляпу, из вас выйдет толк. Если же промахнулись — не беда, ставьте минус и запоминайте: судите по фактам и возможностям, а не по тому, у кого лицо подозрительнее. У храпящего человека алиби крепче, чем у иного красная.

Подобьём баланс, без него я как без рук. Позади уже пять дел: пропавшая премия, разбитая ваза, лишний чек, браслет на юбилей и вот теперь Алёнкины отпускные. Угадали всех

пятерых — Анжелу, кота Барсика с лукавой хозяйкой, Маргариту Львовну, Семёна и Викторию? Тогда у вас уже пять очков, и вы бодро шагаете к званию моего личного помощника. Где-то споткнулись — не печальтесь, дел впереди ещё вон сколько, всё наверстаете.

А мы с Персиком, как заведено, удачу отметим. Достая заветную баночку, накладываю рыжему гению полную ложку икры — нынче он её честно заслужил, как никогда: ведь это его дело, его триумф, недаром так и названо. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня победителем, мол, видала, человек, кто тут главный сыщик? Ну пусть его, не жалко, лишь бы дальше так же носом работал. А впереди нас ждёт дело шестое — «Три одинаковых конверта», и там, чую, придётся повозиться с бумажками да цифрами, а это уж моя стихия. Так что точите карандаши, заваривайте чай покрепче, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит, а мы с Персиком ей в этом завсегда подсобим.

Три одинаковых конверта

Дело шестое, под названием «Три одинаковых конверта», случилось у меня прямо под носом, в родной фирме «Уютный дом», и заставило меня изрядно поломать голову, хоть с виду казалось проще пареной репы. А всё потому, что в нём, как в хорошей задачке, было три похожих слагаемых, и поди разбери, какое из них лишнее. Но цифры, как я люблю повторять, не врут. Врут конверты. Точнее, тот, кто их подменил.

А завязалось всё так. Наш директор, Леонид Семёнович Грачёв, надумал в тот месяц поощрить троих лучших сотрудников — выписал каждому по особой премии за хорошую работу. Суммы были разные: одному, кто потруился больше всех, причиталось пятьдесят тысяч, второму — тридцать, а третьему — двадцать. Деньги, как у нас водится в предпраздничную пору, решили выдать наличными, и поручили это, само собой, мне — кому ж ещё, я ведь человек аккуратный, дотошный, на меня вся надежда.

Разложила я деньги по трём конвертам. Конверты, заметьте, были одинаковые — белые, гладкие, из одной пачки, ничем друг от друга не отличались. А чтобы не перепутать, я на каждом аккуратно написала своей рукой, кому он предназначен и сколько внутри: «Сидорчук — 50 000», «Платонова — 30 000», «Гущин — 20 000». Подписала, сложила в верхний ящик стола — сейф в тот день был занят документами ревизии, — а раздать собиралась после обеда, когда все трое освободятся. Ящик, каюсь, не заперла — кто ж знал, что в родном отделе завёлся ловкач.

И вот после обеда вызываю я первого премированного, Сидорчука. Открываю ящик, достаю конверт с надписью «Сидорчук — 50 000», вручаю под роспись. Сидорчук довольный, благодарит, уходит. Следом Платонова — отдаю ей конверт с её фамилией. И тут она, пересчитав деньги при мне (а она дама въедливая, всегда всё проверяет), вдруг вскидывает брови: — Таисия Петровна, а тут только двадцать тысяч! А должно быть тридцать!

Я обомлела. Хватаю конверт — и впрямь, надпись «Платонова — 30 000», а внутри двадцать. Зову Гущина, вскрываем его конверт «Гущин — 20 000» — а там тридцать! То есть содержимое двух конвертов поменяли местами, а надписи остались мои, нетронутые. Но это бы ещё полбеды — общая-то сумма по этим двум сходится, сто тысяч как было, так и осталось, просто Платоновой недодали, а Гущину переплатили. А вот когда мы для порядка пересчитали и конверт Сидорчука, что он уже унёс, выяснилось страшное: там вместо пятидесяти тысяч лежало всего сорок. Десять тысяч испарились бесследно.

Стала я думать. Кто-то лазил в мой ящик, вскрывал конверты, перекладывал деньги, да ещё и десять тысяч прикарманил. Надписи мои не трогал — видно, побоялся, что чужой почерк я сразу замечу. А подозреваемых, кто в обеденный перерыв оставался в отделе и крутился возле моего стола, набралось трое.

Первый — тот самый Гущин, которому, по странному совпадению, в конверт переложили лишнюю десятку. Молодой специалист, тихий, услужливый. Сказал, что весь обед просидел за компьютером, доделывал отчёт, к моему столу не подходил.

Вторая — Платонова, та самая въедливая дама, что недосчиталась своих денег. Заявила, что обедала в столовой через дорогу и вернулась только-только перед раздачей премий.

Третий — наш курьер Витёк, парень разбитной, вечно где-то носится. Сообщил, что забежал в отдел всего на минутку — оставить пакет документов мне на стол, а после умчался по делам.

Сию я, разглядываю три одинаковых белых конверта, и тут мой Персик — а я его в тот день, по обыкновению, прихватила на работу — выбирается из корзинки, неспешно подходит к столу, обнюхивает конверты один за другим. На два — ноль внимания. А над третьим, тем самым, что вернулся от Гущина с лишней десяткой, замирает, принюхивается и тихонько

ворчит. Потом поднимает зелёные глазищи и смотрит в сторону — туда, где топтался курьер Витёк.

Я, понятное дело, виду не подавала, но призадумалась крепко. И стала, как водится, сопоставлять.

Платонова обедала в столовой через дорогу — это легко проверить, её там и кассирша видела, и подружки за столиком. Вернулась перед самой раздачей, к моему ящику и подойти-то не успела бы. Отпадает.

Гущин уверял, что просидел за компьютером, доделывая отчёт. Заглянула я потом в систему — и точно, отчёт он в это время правил, сохранения шли одно за другим, с интервалом в несколько минут, весь обеденный перерыв напролёт. Чтобы вскрывать конверты да перекладывать деньги, надо встать, отойти, повозиться — а он, судя по сохранениям, от машины не отлучался. Странно для вора. Хотя именно ему, заметьте, перепала лишняя десятка.

А вот Витёк, курьер... Сказал, будто забегал на минутку оставить пакет. Но я-то помнила: пакет от него лежал у меня на столе — аккуратно поверх того самого ящика. А ещё охранник на проходной потом обмолвился, что Витёк в обед мотался не по делам фирмы, а отпрашивался «по личному срочному вопросу» — деньги ему, вишь, позарез нужны были, долг какой-то горел.

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Конверты одинаковые, надписи мои, нетронутые. Содержимое двух поменяли местами, а из третьего, Сидорчукова, вытащили десять тысяч. Платонова обедала через дорогу — алиби железное. Гущин весь перерыв сохранял отчёт за компьютером — отлучиться не мог, хотя именно ему досталась лишняя десятка. А Витёк забегал к моему столу, отпрашивался из-за горящего долга, и Персик ворчит на конверт, поглядывая в его сторону.

Так кто же залез в мои конверты и украл десять тысяч? И зачем понадобилось перекладывать деньги между конвертами, если можно было просто вытащить? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут вся хитрость в том, зачем вору понадобилась эта возня с одинаковыми конвертами.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, наворчавшись на конверт, вдруг изловчился и цапнул его лапой со стола — да так, что конверт спланировал на пол, прямёхонько к ногам растерявшегося Витька. Тот шарахнулся, будто ему под ноги гранату бросили, и пролепетал: «Да я тут ни при чём, чего этот кот ко мне лезет?!» А я смотрю на него и думаю: э, голубчик, котик-то мой просто так под ноги конверты не подкидывает. Это он тебе, можно сказать, вещественное доказательство к ботинкам прикатил. Леонид Семёнович, наблюдая эту сцену, крикнул и говорит: «Тасенька, твой рыжий лучше иного следователя работает!» А я ему: так он и есть следователь, Леонид Семёнович, только хвостатый и икру за гонорар берёт.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока пересчитаем оставшиеся деньги ещё разок да приглядим за нашим прытким курьером, чтоб не упорхнул раньше времени.

Разгадка: Три одинаковых конверта

Ну что, дорогие мои бухгалтеры-любители да начинающие ревизоры, настал час свести дебет с кредитом и подбить итог шестого дела. Надеюсь, вы не поленились пересчитать конверты вместе со мной и не клюнули на самую заманчивую приманку, какую я вам подсунула. Объявляю официально: десять тысяч из конверта Сидорчука украл наш приткий курьер Витёк. Тот самый разбитной парень, что вечно где-то носится. А вот теперь держитесь крепче, потому что вся соль этого дела не в том, кто украл, а в том, как ловко он попытался отвести от себя подозрение. И именно на этой хитрости он, голубчик, и погорел. Сейчас всё разложу по полочкам, как я люблю.

Начнём с самого главного вопроса, который должен был засвербеть у вас в голове с первой минуты: зачем вообще понадобилась вся эта возня с перекалыванием денег? Подумайте сами, дорогие мои. Если ты вор и тебе нужны деньги, ты подходишь к ящику, открываешь конверт да вытаскиваешь сколько унесёшь. Просто, быстро, незатейливо. Зачем вскрывать сразу три конверта, перекалывать содержимое из одного в другой, менять суммы местами? Это же лишний труд, лишний риск, лишнее время у чужого стола. Казалось бы, бессмыслица. А вот и нет! В этой-то «бессмыслице» и кроется весь хитрый замысел. Запомните золотое правило: если преступник делает что-то на первый взгляд бессмысленное, значит, у этого есть тайный смысл, выгодный лично ему. И наша задача — этот смысл разгадать.

А смысл был такой. Витёк вытащил из конверта Сидорчука десять тысяч — это его пожива, ради неё всё и затевалось. Но если бы он просто вытащил десятку из одного конверта, недостача всплыла бы сразу же, при первой выдаче, и подозрение пало бы на того, кто имел доступ к ящику, — то есть на него, на курьера, который как раз заходил к моему столу. Опасно! И вот тут наш ловкач придумал, как ему казалось, гениальный ход. Он решил создать переполох, навести тень на плетень, запутать всю картину так, чтобы недостача потерялась в общей суматохе. Для этого он вскрыл ещё два конверта — Платоновой и Гущина — и поменял в них суммы местами: Платоновой переложил двадцать вместо тридцати, а Гущину тридцать вместо двадцати. Зачем? А затем, чтобы при раздаче поднялся шум, начались взаимные обвинения, путаница, кто кому сколько недодал, — и за этим гвалтом пропажа десяти тысяч из третьего конверта прошла бы незамеченной или, по крайней мере, утонула в общей неразберихе. Дескать, бухгалтерша Цветкова сама всё перепутала при раскладке, вот и сумбур.

Теперь — почему я отмела двоих других, тех, кого вы, я уверена, по очереди подозревали. И тут, дорогие мои, я расставила вам сразу две ловушки, честно, по всем правилам игры.

Ловушка первая — Гущин. Самый соблазнительный подозреваемый, согласитесь! Ведь именно ему, и никому другому, в конверт переложили лишнюю десятку. Тридцать тысяч вместо положенных двадцати. Кто же ещё мог это сделать, как не он сам, в свою пользу? Логика прямая, аж руки чешутся ткнуть в него пальцем. Но! Вспомните, что я выяснила, заглянув в компьютер. Гущин весь обеденный перерыв правил отчёт, и сохранения шли одно за другим, с интервалом в несколько минут, без единого долгого перерыва. А чтобы подойти к моему столу, вскрыть три конверта, аккуратно переложить деньги, не порвав надписей, да вернуться обратно — на это нужно встать и отлучиться минут на пять, а то и больше. У Гущина такого окна попросту не было — машина его пишет железно, он от неё не вставал. Стало быть, физически не мог. А лишняя десятка в его конверте — это не его рук дело, а подстава, случайная или намеренная: Витёк просто перекинул туда деньги Платоновой, создавая ту самую путаницу. Гущину переплатили не потому, что он вор, а потому, что он оказался удобной пешкой в чужой игре. Вот вам урок: то, что выглядит уликой против человека, порой подброшено, чтобы именно на него и подумали. Самый очевидный выгодоприобретатель — не всегда виновник.

Ловушка вторая — Платонова. Тут проще. Эта въедливая дама, что первой подняла шум о недостатке, обедала в столовой через дорогу. Её там видела кассирша, видели подружки за столиком — алиби крепкое, людное, проверяемое. К моему ящику она и подойти-то не успевала, вернулась впритык к раздаче. Да и сама посудите: стала бы вор так возмущаться недостатком в своём же конверте, привлекая всеобщее внимание? Нет, конечно. Она пострадавшая, ей десять тысяч недодали. Отпадает начисто.

Остаётся Витёк. И против него сошлось всё. Во-первых, доступ: он сам признался, что забегал в отдел оставить пакет, и пакет этот, я заметила, лежал аккурат поверх того самого ящика, где томились конверты. То есть он не просто был рядом — он стоял прямо над тайником, рукой подать. Во-вторых, время: курьер забежал на минутку, был в отделе один, никто за ним не приглядывал — идеальные условия, чтобы быстренько провернуть свою комбинацию. В-третьих, и это важнее всего, — мотив. Помните, охранник на проходной обмолвился, что Витёк отпрашивался в обед по личному срочному вопросу, потому что у него горел какой-то долг и деньги были нужны позарез? Вот вам и причина. Человек в долгах, которому срочно нужна наличность, оказывается один на один с ящиком, полным денег. Долг — это, конечно, ещё не доказательство, я вас в прошлых делах предупреждала: мотив сам по себе никого не уличает. Но мотив плюс доступ плюс возможность плюс хитрая схема запутывания — вот это уже цепочка, которая смыкается на одном человеке.

Теперь — про моего рыжего консультанта. Помните, как вёл себя Персик? Он обнюхал все три конверта, и на два — ноль внимания. А над третьим, тем самым, что вернулся от Гущина с лишней десяткой, замер, заворчал, а потом — самое главное — поднял свои зелёные глазищи и посмотрел в сторону Витьки. И мало того: позже изловчился, цапнул конверт лапой и подкатил его прямёхонько курьеру под ноги. Вот вам и указующий перст, точнее, указующая лапа. Рыжий учуял на конвертах чужие руки — руки того, кто их вскрывал и перекладывал. И недвусмысленно ткнул носом, на кого смотреть. Заметьте, кот не обратил внимания ни на Платонову, ни не заворчал на Гущина — он выделил именно Витьку. Но, как у нас с Персиком заведено, кот указал направление, а доказала всё я сама — доступом, временем, мотивом и разгадкой самой схемы. Персик — нос, я — голова. Незыблемый порядок.

Чем кончилось? Припёрла я Витьку к стенке простым рассуждением: «Объясни-ка, голубчик, зачем кому-то понадобилось перекладывать деньги из конверта в конверт, если не затем, чтобы скрыть пропажу? А пропали-то они аккурат у того ящика, над которым твой пакет лежал, в ту минуту, когда ты один в отделе был, да ещё и с горящим долгом в кармане». Витёк сперва петушился, кричал, что кот к нему пристал ни за что, а потом, когда Леонид Семёнович пригрозил полицией и проверкой его карманов, сник и повинулся. Десять тысяч вернул — они у него в кармане куртки и лежали, далеко унести не успел. Долг, говорит, душил, вот и не устоял, а схему с перекладыванием придумал, чтобы на других подумали. Уволили его, само собой, в тот же день.

А мораль, дорогие мои, такая: бойтесь нарочитой путаницы. Когда вокруг преступления вдруг возникает искусственный сумбур, кутерьма, лишние непонятные действия — значит, кто-то старательно мутит воду, чтобы спрятать на дне свою рыбку. Ищите, кому эта муть выгодна. И ещё: не хватайтесь за самого очевидного выгодоприобретателя. Гущину перепала лишняя десятка — а он чист как стёклышко. Настоящий вор нарочно подставил его, рассчитывая на вашу поспешность.

Теперь — подсчёт очков. Доставайте листочек «Проверь себя», вписывайте шестое дело. Виновный — курьер Витёк. Назвали его — ставьте честный плюс. Если вдобавок в графе про способ записали, что перекладывание денег было дымовой завесой, чтобы скрыть пропажу десяти тысяч и навести путаницу, — ставьте жирный плюс с восклицательным знаком, вы рассуждаете как заправский ревизор. А если вы при этом не попались на удочку и не обвинили Гущина из-за лишней десятки в его конверте, поняв, что это подстава, — снимаю шляпу, из

вас выйдет первоклассный сыщик. Если же ткнули в Гущина — не огорчайтесь, ставьте минус и запоминайте: самая жирная улика, лежащая на поверхности, чаще всего и есть подброшенная приманка.

Подобьём баланс. Позади уже шесть дел: пропавшая премия, разбитая ваза, лишний чек, браслет на юбилее, Алёнкины отпускные и вот теперь конверты. Угадали всех шестерых — Анжелу, кота Барсика с лукавой хозяйкой, Маргариту Львовну, Семёна, Victорию и Витька? Тогда у вас уже шесть очков, и вы бодрой рысью движетесь к званию моего личного помощника. Где споткнулись — не печальтесь, дел впереди ещё прорва.

А мы с Персиком, как заведено, удачу отметим. Достая заветную баночку, накладываю рыжему гению полную ложку икры — заслужил, без его лапы, подкатившей конверт прямо к ботинкам Витька, я бы, может, и не так скоро уверилась, куда смотреть. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня снисходительно, мол, видала, человек, как надо работать? Ну пусть его, не жалко. А впереди нас ждёт дело седьмое — «Где спрятаны ключи?», и там, чую, придётся пораскинуть мозгами по-новому. Так что точите карандаши, заваривайте чай покрепче, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит, а мы с Персиком ей в этом всегда подсобим.

Где спрятаны ключи?

Дело седьмое, под названием «Где спрятаны ключи?», случилось в дачном кооперативе, куда меня с Персиком занесло погостить к моей тётушке, Серафиме Ивановне Голубевой. Тётушка моя — женщина хозяйственная, держит на участке всё в идеальном порядке, а заодно по дружбе приглядывает за соседними дачами, когда хозяева в отъезде. И вот эта-то её услужливость и втянула нас в очередную загадку. Но обо всём по порядку, иначе вы запутаетесь, а я этого, как вы знаете, на дух не переносу.

А дело было так. У соседей тётушки, семейства Воробьёвых, стоял на участке добротный кирпичный дом, а в доме — сейф, где хозяин, Пётр Кузьмич, держал по-стариковски всё ценное: накопления, документы, бабушкины золотые серёжки да колечки, доставшиеся от матери. Сами Воробьёвы укатили на месяц к морю, а ключи от дома — и от входной двери, и от того самого сейфа — оставили на хранение Серафиме Ивановне, моей тётушке, как человеку проверенному. Ключи эти тётушка хранила у себя в комод, в верхнем ящике, под скатертями.

И вот, вернувшись однажды с рынка, тётушка моя обнаружила пренеприятную картину. Дверь дома Воробьёвых заперта, всё цело, окна целы, а ключей в комод — нет! Ни от двери, ни от сейфа. Исчезли. Тётушка, понятное дело, в панике: чужое добро доверили, а она проворонила. Кинулась проверять дом Воробьёвых — заперт. Но кто его знает, что внутри творится да цел ли сейф. Тут она мне и позвонила: Тасенька, выручай, беда, ключи пропали, а в доме у людей золото да сбережения, я ж со стыда сгорю!

Примчались мы с Персиком. Стала я разбираться. Комод тётушкин стоит в горнице, ящик не взломан, замочка на нём отродясь не было — открывай кто хочешь. А кто бывал в доме за последние дни? Тётушка наморщила лоб и насчитала троих, кто заходил к ней в гости и оставался в горнице один, пока сама она хлопотала на кухне с чаем да пирогами.

Первый — Степан, дачный сторож, мужик угрюмый, нелюдимый. Заходил позавчера — тётушка его чаем поила, а сама бегала на кухню за вареньем. Сказал, что к комоду и близко не подходил, сидел смирно за столом.

Вторая — Галина, соседка через два участка, болтушка и сплетница. Забегала вчера посудачить, и тётушка, как водится, оставляла её одну, пока ставила чайник. Галина клялась, что в комод не лезила, ей чужие ключи и даром не нужны.

Третий — Аркаша, племянник Галины, парень лет двадцати, гостивший у тётки на даче. Заходил с поручением — занести банку мёду. Тоже минутку постоял в горнице один, пока тётушка искала, во что мёд перелить.

Стала я осматриваться. И первым делом задумалась: а кому вообще нужны эти ключи? Вор-то ведь не просто так их утащил — значит, метил в дом Воробьёвых, в сейф с золотом. Но дом пока заперт, внутрь никто не лез — стало быть, ключи украдены недавно, и вор ещё не успел ими воспользоваться. Или не решился среди бела дня.

И тут в дело вступил мой Персик. Пустила я рыжего побродить по горнице. Кот обнюхал комод, прошёлся вдоль стола, где сидели гости. Мимо стула, где обычно располагался Степан, прошёл спокойно. Возле места Галины потоптался — ничего. А вот когда добрался до угла, где стояла плетёная корзинка, в которой Аркаша приносил мёд да так и оставил, — рыжий мой замер, принялся и утробно заворчал. Корзинку эту Аркаша забыл забрать, и стояла она в горнице со вчерашнего дня. Персик уставился на неё, заворчал и даже лапой поддел край тряпицы, которой она была прикрыта.

Я, понятное дело, виду не подавала, но насторожилась. Стала расспрашивать всех троих подробнее, сопоставляя.

Степан, сторож, в день пропажи, как выяснилось, вообще на участке не появлялся — был занят на дальнем конце кооператива, чинил забор, и это видели человек пять дачников.

А заходил он позавчера, за два дня до пропажи. Тётушка же, когда я её дотошно расспросила, припомнила, что ключи-то она своими глазами видела в комодке ещё вчера утром, когда доставала скатерть к приходу гостей. Стало быть, позавчерашний визит Степана уже ни при чём — ключи после него были на месте.

Галина, болтушка, забежала вчера, всё верно. Но тётушка вспомнила важное: Галина в горнице сидела на диванчике у окна, далеко от комода, а тётушка из кухни через открытую дверь её прекрасно видела всё это время — болтали-то они, не умолкая, перекрикиваясь. Отойти к комоду незаметно Галина не могла, тётушка бы заметила паузу в её трескотне.

А вот Аркаша... Аркаша заходил вчера же, аккуратно после Галины. И тётушка, наливая мёд, отлучилась в кладовку за банкой — на добрых пять минут, оставив парня в горнице совсем одного, без всякого пригляда. Пять минут наедине с комодом — времени хоть отбавляй.

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Ключи были на месте вчера утром. Степан заходил позавчера и в день пропажи на участке не появлялся — отпадает. Галина сидела вчера на виду у тётушки, отлучиться к комоду не могла — отпадает. А вот Аркаша вчера же оставался в горнице один на целых пять минут, без пригляда, пока тётушка лазила в кладовку. И Персик ворчит именно на корзинку, которую Аркаша принёс да забыл забрать.

Так кто же стащил ключи от чужого добра? И — главное — где он их спрятал, если при выходе его никто с ключами не видел и в карманах вынести побоялся? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут вся хитрость в том, куда ловкач припрятал украденное, чтоб вынести потом, не вызывая подозрений.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, наворчавшись на плетёную корзинку, не уgomонился, а запрыгнул на стол, подобрался к ней вплотную и принялся сосредоточенно рыться лапой в тряпице, которой та была прикрыта изнутри. Рылся-рылся, а потом вдруг изловчился и вытолкнул из-под двойного донышка — а у корзинки, я заметила, дно было хитрое, с потайным отделением для гостинцев — что-то блестящее. Тётушка ахнула, всплеснула руками: «Тасенька, да это ж Петькины ключи!» И впрямь — связка ключей от дома и сейфа Воробьёвых преспокойно лежала в потайном донышке Аркашиной корзинки. Вот тебе и забыл забрать. Серафима Ивановна, бедная, аж села: «Аркаша-то, племянничек Галинин? Да я ж его с пелёнок знаю!» А я ей: вот потому-то, тётушка, он и рассчитывал, что на него, такого знакомого да родного, никто и не подумает. Спрятал ключи в свою же корзинку с двойным дном, оставил её у тебя как бы по забывчивости, чтоб через денёк-другой зайти, забрать «забытое» — да с ключиками-то и улизнуть. Чисто придумано, да только Персика моего не проведёшь.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока посто-рожим эту корзиночку с секретом да дождёмся, когда Аркаша заявится за своим «забытым» добром.

Разгадка: Где спрятаны ключи?

Ну что, дорогие мои дачные детективы, настал час подвести итог седьмому делу и назвать имя того, кто польстился на чужие ключи. Надеюсь, вы не дали себя разжалобить родственными связями и не отмахнулись от «своего парня, которого с пелёнок знают». Объявляю официально: ключи от дома и сейфа Воробьёвых стащил Аркаша, племянник болтушки Галины. Тот самый смазливый парнишка двадцати лет, что забегал занести баночку мёду. А спрятал он украденное так хитро, что без моего рыжего нюхача я бы, пожалуй, и провозилась. Сейчас всё разложу по полочкам, как я люблю, чтобы вы убедились: тут не везение, а чистая арифметика времени да внимание к деталям.

Начнём, как полагается порядочному сыщику, с самого главного — со времени. Это, дорогие мои, мой любимый инструмент, надёжнее любого замка. Когда тётушка в панике металась по горнице, я первым делом усадила её и принялась дотошно выпытывать: а когда ты, Серафима Ивановна, в последний раз своими глазами видела ключи на месте? И тётушка, поднапрягшись, вспомнила: вчера утром, когда доставала из комода скатерть к приходу гостей, связка преспокойно лежала под скатертями. Вот вам и отправная точка, золотая моя ниточка. Ключи были на месте вчера утром. Значит, украли их позже — вчера днём или вечером. А всё, что было до вчерашнего утра, можно смело отбрасывать. Запомните это намертво: прежде чем гадать кто, установите когда. Точное время превращает толпу подозреваемых в единственного человека.

И вот, установив это «когда», я взялась за троих гостей по очереди, отсеивая их, как зёрна от плевел.

Степан, угрюмый сторож. Первый, на кого по привычке косятся, — нелюдимый, неприветливый, лицо подозрительное. Но, дорогие мои, я вас уже не раз учила: подозрительное лицо — не улика. Глядим на факты. Во-первых, Степан заходил к тётушке позавчера — то есть ещё до того утра, когда ключи лежали на месте. Стало быть, после его визита связка была цела, и он тут ни при чём. А во-вторых, в самый день пропажи Степан вообще на тётушкином краю участка не появлялся — он чинил забор на дальнем конце кооператива, и это видели человек пять дачников. Алиби людное, проверяемое, крепкое. Степан отпадает начисто. Вот вам ложный след номер один, расставленный мною честно: угрюмый да неприветливый — первый кандидат в подозреваемые для невнимательного глаза, но у времени и фактов своя правда.

Галина, болтушка-сплетница. Заходила вчера — то есть уже после злополучного утра, в нужном временном окошке. Казалось бы, вот она, могла. Но тут выручила тётушкина наблюдательность. Галина, пока трещала языком, сидела на диванчике у окна — далеко от комода. А тётушка, хлопоча на кухне, видела её всё это время через открытую дверь, потому что болтали-то они без умолку, перекрикиваясь из комнаты в комнату. Стоило Галине умолкнуть да отойти — тётушка тут же заметила бы паузу в трескотне, насторожилась бы. А раз трещала без передышки и с дивана не вставала — к комоду подобраться не могла. Алиби, можно сказать, звуковое: пока язык работал без остановки, руки до чужого добра не дотянулись. Галина отпадает.

Остаётся Аркаша. И вот тут всё сошлось копейка в копейку. Заходил он вчера же, аккуратно после Галины — стало быть, в нужное время. А главное — тётушка, наливая ему мёд, отлучилась в кладовку за подходящей банкой на добрых пять минут, оставив парня в горнице совсем одного, без всякого пригляда. Пять минут наедине с незапертым комодом! Этого, дорогие мои, за глаза хватит, чтобы выдвинуть ящик, пошарить под скатертями да вытащить связку. Вот вам и возможность — единственный из троих, кто оставался один на один с комодом в нужный промежуток времени.

Но самое интересное в этом деле — не кто, а где. Где спрятаны ключи? Ведь название наше именно про это. Подумайте сами, дорогие мои: украсть-то мало, надо ещё вынести, не попавшись. А тётушка моя, хоть и хлопотунья, но приметливая — заметила бы, если б парень совал что-то в карман, оттопыривал куртку, вёл себя суетливо на выходе. И вот тут Аркаша придумал ход, который казался ему гениальным. Он не понёс ключи в кармане — рискованно. Он спрятал их в свою же плетёную корзинку из-под мёда, в потайное двойное доньшко, которое в таких корзинках делают для гостинцев. А корзинку «забыл» у тётушки. Якобы по рассеянности. На самом же деле — нарочно! Расчёт был тонкий: пустую корзинку никто проверять не станет, она примелькается, постоит денёк-другой в углу, а потом Аркаша зайдёт «за забытым», подхватит её — и унесёт ключи вместе с тайником, не вызвав ни малейшего подозрения. Чисто, аккуратно, с расчётом на родственное доверие. Кто ж заподозрит милого племянника, которого с пелёнок знают, да ещё в банальной забытой корзинке?

А вот кто заподозрит — так это мой Персик. И тут он показал себя во всей красе. Помните, как рыжий бродил по горнице? Мимо стула Степана — спокойно. У места Галины потоптался — ничего. А у плетёной корзинки в углу замер, принялся и утробно заворчал, да ещё лапой поддел край тряпицы. Кот учуял на корзинке чужие руки, а может, и металлический дух ключей сквозь двойное дно — нюх-то у него отменный, не мне вам рассказывать. А после и вовсе довершил дело: запрыгнул на стол, порылся лапой в тряпице и вытолкнул из потайного доньшка ту самую блестящую связку. Вот вам и ответ на главный вопрос — где спрятаны ключи. В корзинке с двойным дном, оставленной будто бы по забывчивости. Но, как у нас с Персиком заведено, кот указал на тайник, а доказала виновность я сама — временем, возможностью да разгадкой хитрого замысла с «забытой» корзинкой. Персик — нос, я — голова. Незыблемый порядок.

Чем кончилось? Дождались мы с тётушкой, когда Аркаша заявится «за забытым». И появился ведь, голубчик, на другой же день — небрежно так: ой, корзиночку у вас оставил, заберу. А я ему ласково: «Забирай, забирай, милый, только давай сперва глянем, что у неё на доньшке припрятано. Кот мой что-то твоей корзинкой шибко интересуется». Парень побелел как полотно, забормотал, а как я при нём встряхнула из двойного дна воробьёвскую связку — тут и отпираться стало нечем. Повинился. Прознал, что Воробьёвы укатили к морю, а в доме сейф с золотом да деньгами, вот и задумал пожить: украсть ключи у доверчивой Серафимы Ивановны, выждать, когда уляжется, да и обчистить дом по-тихому. На родственное доверие тётушкино рассчитывал. Ключи, само собой, вернули, Воробьёвым по телефону всё сказали, а Аркашу Галина, сгорая со стыда, за ухо увела домой и пригрозила, что отцу всё расскажет. Без полиции обошлось, по-дачному, но парню наука.

Мораль этого дела такая, и вы её намотайте на ус: сперва время, потом имена. Установите, когда вещь была ещё на месте и когда пропала, — и круг подозреваемых сам собой сожмётся до тех, у кого была возможность в этот промежуток. А ещё: ищите украденное не только в карманах да под половицами, но и в самых невинных, примелькавшихся предметах. Хитрый вор прячет добычу там, куда никто не догадается заглянуть, — в забытой корзинке, в подарочной коробке, в безобидной с виду вещице с двойным дном. И последнее: бойтесь слепого доверия к «своим». Аркаша на том и строил расчёт, что милого племянника никто не заподозрит. Доверие — штука хорошая, но и оно проверки не отменяет.

Ну а теперь — наш любимый ритуал, подсчёт очков. Доставайте листочек «Проверь себя», вписывайте седьмое дело. Виновный — Аркаша, племянник Галины. Если вы его назвали — ставьте честный плюс, вы молодец. Если вдобавок в графе про способ записали, что ключи были спрятаны в корзинке с двойным дном, «забытой» нарочно, чтобы вынести позже без подозрений, — ставьте жирный плюс с восклицательным знаком, вы рассуждаете как настоящий сыщик. А если вы при этом верно отсеяли Степана и Галину именно по времени и возможности, а не по их виду да характеру, — снимаю шляпу, из вас выйдет толк.

Если же польстились на угрюмого Степана только за его неприветливую физиономию — не огорчайтесь, ставьте минус и запоминайте: подозрительное лицо алиби не отменяет, а крепкое алиби лицо оправдывает.

Подобьём баланс, без него я как без рук. Позади уже семь дел: пропавшая премия, разбитая ваза, лишний чек, браслет на юбилее, Алёнкины отпускные, конверты и вот теперь воробьёвские ключи. Угадали всех семерых — Анжелу, кота Барсика с лукавой хозяйкой, Маргариту Львовну, Семёна, Викторину, Витька и Аркашу? Тогда у вас уже семь очков, и вы уверенным шагом приближаетесь к званию моего личного помощника. Где споткнулись — не печальтесь, дел впереди ещё прорва, всё наверстае.

А мы с Персиком, как заведено, удачу отметим. Достāju заветную баночку — благо тётушка к чаю расщедрилась, — накладываю рыжему гению полную ложку икры. Заслужил, без его возни с корзинкой я бы до двойного дна, пожалуй, и не сразу докопалась. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня с видом победителя, мол, видала, человек, кто тут тайники находит? Ну пусть его, не жалко. А впереди нас ждёт дело восьмое — «Свидетель в лифте», и там, чую, придётся повозиться с тем, кто что видел да когда. Так что точите карандаши, заваривайте чай покрепче, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит, а мы с Персиком ей в этом завсегда подсобим.

Свидетель в лифте

Дело восьмое, под названием «Свидетель в лифте», случилось в большом многоквартирном доме, где жила моя давняя приятельница, Тамара Леонидовна Зайцева. И дело это, скажу я вам, оказалось прелюбопытным, потому что всё в нём вертелось вокруг одного-единственного свидетеля да вокруг того, что он якобы видел. А ложный свидетель, дорогие мои, страшнее иного вора. Вор унесёт деньги, а лжесвидетель честного человека под монастырь подведёт. Но обо всём по порядку, иначе вы запутаетесь, а я этого, как вы знаете, на дух не переношу.

А завязалось всё так. У соседки Тамары Леонидовны по лестничной площадке, Веры Павловны Сорокиной, дамы пожилой и одинокой, средь бела дня обчистили квартиру. Унесли шкатулку с украшениями да отложенные на чёрный день деньги — тысяч пятьдесят, не меньше. Вернулась Вера Павловна от врача часам к четырём пополудни, отперла дверь — а в квартире всё перевернуто, ящики выдвинуты, шкатулки нет. Замок, заметьте, не взломан — открыли либо отмычкой, либо подобранным ключом, аккуратно. Подняли шум, вызвали участкового, а заодно, по старой дружбе, и меня с Персиком пригласили — может, рыжий мой чего унюхает.

Приехала я. Стала разбираться, опрашивать жильцов. И тут объявился свидетель — сосед с этажа выше, Борис Аркадьевич Гусев, мужчина представительный, говорливый, в дорогом пиджаке. Он-то и заявил с большой уверенностью: дескать, около трёх часов дня, аккуратно в то время, когда совершалась кража, он спускался в лифте и видел, как с этажа Веры Павловны в кабину зашёл некто Митя — внук дворничихи, паренёк лет семнадцати, которого в доме недолюбливали за вечно хмурый вид да рваные джинсы. Будто бы ехал этот Митя с третьего этажа, где живёт Вера Павловна, и был чем-то взволнован, прятал глаза и нёс под мышкой какой-то свёрток. Вот, мол, он, вор, ясное дело.

Митю, понятно, тут же приволокли. Паренёк перепугался, побледнел, твердил, что в тот день и близко к дому не подходил — был на другом конце города, в колледже, на занятиях. Но кто ж поверит мальчишке против солидного Бориса Аркадьевича? Участковый уж и протокол строчить начал.

А я насторожилась. Уж больно гладко да складно излагал Борис Аркадьевич, прямо как по писаному. И стала я, по обыкновению, сопоставлять да приглядываться.

Подозреваемых, точнее, действующих лиц у нас вырисовалось трое. Сам свидетель — Борис Аркадьевич Гусев, сосед сверху, который якобы всё видел в лифте. Обвиняемый — Митя, внук дворничихи, тихий нелюдимый подросток. И ещё одна особа — Лариса, племянница потерпевшей Веры Павловны, разбитная молодая женщина, которая, как выяснилось, частенько забегала к тётушке и прекрасно знала, где та держит деньги да шкатулку.

Лариса, к слову, в день кражи, по её словам, навещала тётушку с утра, около одиннадцати, принесла лекарства, а после ушла по своим делам. Имела ли она ключ? Имела, тётушка ей доверяла запасной — на случай, если самой плохо станет.

И вот пустила я Персика погулять по подъезду да по площадке. Кот важно обнюхал дверь Веры Павловны, прошёлся вдоль перил. Мимо Мити, который сидел весь сжавшийся на ступеньках, прошёл спокойно, даже потёрся о его ботинок — а рыжий мой к нечистому на руку человеку нипочём ласкаться не станет. А вот когда подошёл к Борису Аркадьевичу, нашему красноречивому свидетелю, — встал, ошетинился и зашипел. Да так, как шипел только на отъявленных лгунов. На Ларису, заметьте, тоже поворчал слегка, но на Бориса Аркадьевича — особенно люто.

Я виду не подавала, но призадумалась крепко. И принялась проверять показания свидетеля на прочность. А свидетель, дорогие мои, попался на сущей мелочи — на той самой, которую и не заметить за гладкой речью.

Спросила я Бориса Аркадьевича будто бы между прочим: «А что же, около трёх часов дня вы, говорите, в лифте с этим Митей ехали и всё разглядели — и лицо взволнованное, и свёрток под мышкой?» — «Так точно, — отвечает важно, — всё как на ладони видел, лифт-то ярко освещён, лампа новая». И тут я мысленно охнула. Потому что лифт в этом подъезде я заметила ещё на входе: висело на нём объявление, наклеенное скотчем, бумага уже пожелтела от времени — «Лифт на ремонте с прошлой недели, пользуйтесь соседним подъездом». Лифт стоял мёртвый, обесточенный, двери нараспашку, внутри — ни лампочки горящей, ни движения. И стоял он так, по словам жильцов, уже дней десять. А наш свидетель уверяет, будто ехал в нём в три часа дня, да ещё всё в ярком свете разглядел!

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Кражу совершили около трёх часов дня, замок не взломан — открыли ключом или отмычкой. Свидетель Борис Аркадьевич божится, что видел Митю в лифте около трёх, всё разглядел при ярком свете. Но лифт-то уже дней десять как стоит на ремонте, обесточенный, и объявление о том висит на самом видном месте! Митя клянётся, что был в колледже на другом конце города. А племянница Лариса заходила утром, имеет запасной ключ и отлично знает, где тётушка прячет ценности. И Персик люто шипит на свидетеля, а на Митю даже ластится.

Так кто же на самом деле обчистил квартиру Веры Павловны? И зачем солидному Борису Аркадьевичу понадобилось возводить напраслину на бедного мальчишку, выдумывая поездку в неработающем лифте? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут вся соль в том, что свидетель видеть никак не мог того, о чём так складно рассказывал.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, нашипевшись на Бориса Аркадьевича вволю, не уgomонился, а проследовал за ним до самой его двери да уселся на коврике, не сводя с неё немигающего зелёного взгляда, точно часовой у склада. Борис Аркадьевич занервничал, заёрзал, замахал на кота руками: «Уберите животное, что оно ко мне привязалось!» А я смотрю на эту картину и думаю: э, голубчик, котик-то мой не просто так у твоего порога караул несёт. Видать, за этой дверью кое-что любопытное припрятано. Тамара Леонидовна шепчет мне на ухо: «Тасенька, да неужто Борис Аркадьевич? Такой представительный мужчина, всегда здороваётся, ручку дамам целует!» А я ей тихонько отвечаю: вот за такими-то представительными, что складно врут да ручки целуют, глаз да глаз нужен. Честный человек про несуществующую поездку в сломанном лифте сочинять не станет. А коли сочинил да на невинного мальчишку поклёп возвёл — стало быть, отводит подозрение от себя, любимого. И отводит неспроста.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока покараулим у двери нашего речистого свидетеля — рыжий мой, я гляжу, отходить от неё категорически не намерен, и, поверьте, неспроста.

Разгадка: Свидетель в лифте

Ну что, дорогие мои любители подъездных тайн, настал час подвести черту под восьмым делом и вывести на чистую воду того, кто так складно лгал, глядя честными глазами. Надеюсь, вы не дали себя одурачить ни дорогим пиджаком, ни гладкой речью представительного господина. Объявляю официально: квартиру Веры Павловны обчистил не кто иной, как сам свидетель — Борис Аркадьевич Гусев, тот самый говорливый сосед сверху, что валил всё на бедного мальчишку Митю. Вот вам и обходительный мужчина, что дамам ручки целует. А поймала я его, как водится, на одной-единственной нелепице, которую он сам же и сболтнул, заливаясь соловьём. Сейчас всё разложу по полочкам, как я люблю, чтобы вы убедились: чистая логика, ни грамма колдовства.

Начнём с самого главного — с той зацепки, ради которой и названо дело. Борис Аркадьевич, расписывая, как он видел Митю, не удержался и приукрасил: дескать, ехал в лифте около трёх часов дня, а лифт ярко освещён, лампа новая, оттого и разглядел всё в подробностях — и взволнованное лицо, и свёрток под мышкой. Картинка вышла яркая, убедительная. Да только одна беда: лифт-то в этом подъезде уже дней десять как стоял на ремонте! Обесточенный, мёртвый, двери нараспашку, внутри ни лампочки, ни движения, а на нём — объявление, наклеенное скотчем, бумага от времени пожелтела: «Лифт на ремонте, пользуйтесь соседним подъездом». Я его, это объявление, ещё на входе заметила — у меня, бухгалтера, глаз на такие бумажки намётанный. И вот вам вопрос на засыпку, дорогие мои: как же это человек ехал в лифте, которого нет, да ещё разглядывал что-то в ярком свете лампы, которая не горит? Никак. Это невозможно. А раз невозможно — стало быть, никакой поездки не было, и Митю в лифте Борис Аркадьевич видеть не мог при всём желании.

Запомните золотое правило, оно нам ещё не раз сослужит службу: если свидетель описывает то, чего физически быть не могло, — он не свидетель, а лжец. И тут возникает следующий вопрос, самый важный: а зачем честному человеку сочинять? Незачем. Честный скажет: ничего не видел, не знаю. А вот тому, кто выдумывает целую сцену с несуществующим лифтом и сваливает вину на невинного, — тому очень даже есть зачем. Он отводит подозрение. От кого? Да от себя, любимого. Это, дорогие мои, старый как мир приём: чтобы тебя не заподозрили, ткни пальцем в другого, да погромче, поубедительнее. Кто первым кричит «держи вора» — на того и оглянись попристальнее. Помните соседку Нину Степановну из дела про вазу, что валила всё на тихую Любу? Та же песня, только на новый лад.

Теперь разберём по очереди всех троих, чтобы вы поняли, отчего я Митю с Ларисой отмела, а на Бориса Аркадьевича указала.

Митя, внук дворничихи. Самый соблазнительный для невнимательного глаза подозреваемый — хмурый, нелюдимый, в рваных джинсах, в доме его недолюбливают. Классическая жертва предрассудка: раз вид неприглядный, стало быть, и вор. Но, дорогие мои, я вас уже сто раз предупреждала: подозрительная внешность — не улика. Глядим на факты. Во-первых, Митя клялся, что был в колледже на другом конце города, на занятиях, — а это, в отличие от лифтовых баек, проверяется на раз-два: журнал посещений, преподаватели, однокурсники. Алиби людное, надёжное. Во-вторых — и тут моё последнее слово за Персиком — рыжий мой прошёл мимо мальчишки спокойно, даже потёрся о его ботинок и замурчал. А вы уже знаете: кот к нечистому на руку человеку нипочём ласкаться не станет, он фальшь за версту чует. Раз Персик к Мите ластится — значит, парень чист, как слеза. Митя отпадает начисто.

Лариса, племянница потерпевшей. Вот это уже фигура посерьёзнее, и я нарочно ввела её, чтобы вам было над чем поломать голову. Судите сами: запасной ключ у неё есть, где тётушка прячет шкатулку да деньги — знает доподлинно, в день кражи заходила. Мотив, доступ, осведомлённость — всё при ней. И Персик, заметьте, на неё тоже поворчал слегка. Казалось бы, чем

не воровка? Но тут включаем время — мой любимый инструмент. Лариса навещала тётушку с утра, около одиннадцати, принесла лекарства и ушла. А кражу-то совершили около трёх часов дня, когда Вера Павловна была у врача. В одиннадцать утра хозяйка ещё дома, какая тут кража? Лариса в момент преступления уже давно занималась своими делами в другом месте. Слабый поворчал Персика на неё, я думаю, объясняется просто: дамочка она вертлявая, лукавая, может, и приворовывала у тётушки по мелочи раньше, но эту кражу не она совершила. Время не сходится — значит, отпадает. Вот вам урок: и мотив, и ключ, и знание — всё это пустое, если человека в нужный час на месте не было.

Остаётся Борис Аркадьевич. И против него сходится всё, как дебет с кредитом в хорошем балансе. Ложь про лифт — раз: он соврал о том, чего быть не могло, а врут только тем, кому есть что прятать. Поклёп на Митю — два: он нарочно состряпал ложного виновника, чтобы увести следствие в сторону. Чисто исполненная кража без взлома — три: замок-то открыли аккуратно, отмычкой или подобранным ключом, а это говорит о том, что работал не случайный гопник с улицы, а кто-то ловкий, спокойный, кто живёт в этом же доме и мог без спешки подобрать подход к соседской двери. А кто живёт прямо над Верой Павловной и спускается мимо её площадки каждый божий день? Борис Аркадьевич. Ему и красться-то особо не нужно — сосед как сосед, мало ли зачем по лестнице ходит.

Ну а теперь — гвоздь программы, мой рыжий гений. Персик ведь не просто зашипел на Бориса Аркадьевича — он зашипел люто, яростно, как шипел только на отъявленных лжецов вроде Анжелы из первого дела. Кот учуял фальшь, исходившую от этого красавца, мгновенно и безошибочно. А мало того — рыжий не уgomонился, а проследовал за господином Гусевым до самой его двери да уселся на коврикe сторожем, не сводя зелёных глаз с замка. Это была его подсказка яснее ясного: ищи, хозяйка, не среди гостей, а вон за той дверью. И ведь как в воду глядел! Когда участковый, которого я убедила своими рассуждениями про лифт, попросил Бориса Аркадьевича впустить в квартиру, там, в кладовке, за старыми пальто, и обнаружилась шкатулка Веры Павловны со всеми украшениями да деньгами. Но, как у нас с Персиком заведено, кот указал направление, а доказала вину я сама — нестыковкой про лифт да логикой. Персик — нос, я — голова. Незыблемый наш порядок.

Чем кончилось? Припёрла я Бориса Аркадьевича к стенке простым вопросом, при участковом и при всех соседях: «А растолкуйте-ка, голубчик, как же вы в лифте-то ехали в три часа дня да Митю разглядывали при яркой лампе, коли лифт ваш десять дней как обесточен и заколочен? Объявление-то вон, на двери, пожелтело уже». Тут наш краснобай побагровел, потом побелел, залепетал, что, мол, перепутал, оговорился, по лестнице, дескать, шёл. «По лестнице, — говорю, — это другое дело. Только на лестнице-то откуда яркий свет да подробности? И главное — зачем на мальчишку напраслину возвели, коли видеть его не могли?» Тут он и поплыл. А когда из кладовки извлекли шкатулку, отпираться стало уже не перед кем. Повинился. Оказалось, проигрался господин Гусев в карты, влез в долги, а тут под боком одинокая старушка с накоплениями — ключик к её замку он давно присмотрел, подобрал по случаю, дождался, когда соседка уйдёт к врачу, и обчистил квартиру по-тихому. А чтобы отвести от себя глаза, выдумал свидетельство про Митю — мальчишка-то нелюдимый, на такого всякий охотно подумает. Шкатулку вернули Вере Павловне, та расплакалась от радости, Митю при всех извинили да приголубили, а Бориса Аркадьевича увёл участковый — тут уж без протокола не обошлось, дело-то нешуточное.

Мораль этого дела такая, и вы её крепко запомните: проверяйте не только того, кого обвиняют, но и того, кто обвиняет. Свидетель — не икона, на него молиться незачем. Сверьте его слова с тем, что было на самом деле: с погодой, со временем, с обстановкой, с тем, работал ли лифт да горела ли лампа. Если свидетель видел невозможное — гоните его показания прочь, а самого его берите на заметку. Очень часто тот, кто громче всех указывает на чужого, прячет за спиной собственное рыльце в пушку.

Ну а теперь — подсчёт очков. Доставайте листочек «Проверь себя», вписывайте восьмое дело. Виновный — Борис Аркадьевич Гусев, свидетель-то наш и оказался вором. Если вы его назвали — ставьте честный плюс, вы молодчина. Если вдобавок в графе про способ записали, что разоблачили его на вранье про лифт, которого не было, — ставьте жирный плюс с восклицательным знаком, вы ухватили самую соль и мыслите, как настоящий сыщик. А если вы при этом не клюнули ни на хмурого Митю, ни на ловкую Ларису с её ключом, верно рассудив про время, — снимаю шляпу, из вас выйдет первоклассный мастер. Если же повесили вину на Митю только за рваные джинсы да угрюмый вид — не огорчайтесь, ставьте минус и запоминайте навсегда: судят не по одежке и не по лицу, а по фактам и по времени. А если заподозрили Ларису — что ж, это промах поумнее, но вспомните: в три часа дня её на месте уже не было, значит, не она.

Подобьём баланс, без него я как без рук. Позади уже восемь дел: пропавшая премия, разбитая ваза, лишний чек, браслет на юбилее, Алёнкины отпускные, конверты, воробьёвские ключи и вот теперь квартира Веры Павловны. Угадали всех восьмерых — Анжелу, кота Барсика с лукавой хозяйкой, Маргариту Львовну, Семёна, Викторию, Витька, Аркашу и Бориса Аркадьевича? Тогда у вас уже восемь очков, и звание моего личного помощника совсем близко, рукой подать. Где-то споткнулись — не печальтесь, дел впереди ещё прорва, всё наверстаете.

А мы с Персиком, как заведено, удачу отметим. Достаю заветную баночку, накладываю рыжему гению полную ложку икры — заслужил, без его лютого шипения на Бориса Аркадьевича да караула у заветной двери я бы, может, и не так скоро смекнула, куда смотреть. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня с видом победителя, мол, видала, человек, как лжецов на чистую воду выводить? Ну пусть его, не жалко. А впереди нас ждёт дело девятое — «Сдача не сходится», и там, чую, придётся повозиться с цифрами да чеками, а это уж моя родная стихия. Так что точите карандаши, заваривайте чай покрепче, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит, а мы с Персиком ей в этом завсегда подсобим.

Сдача не сходится

Дело девятое, под названием «Сдача не сходится», случилось в уютной кофейне на углу, что держала моя приятельница, Светлана Андреевна Воронцова. Местечко славное, с запахом свежемолотого кофе и корицы, с пирожными в витрине, от которых даже у меня, женщины строгих правил, текли слюнки. И всё бы хорошо, кабы не одна напасть, что заставила Светлану Андреевну прибежать ко мне сама не своя. А напасть эта была по моей родной, бухгалтерской части — деньги в кассе не сходились. Но обо всём по порядку, иначе вы запутаетесь, а я этого, как вы знаете, на дух не переносу.

А завязалось всё так. Прибегает ко мне Светлана Андреевна в один прекрасный вечер, бледная, с распечатками под мышкой, и с порога выпаливает:

— Тасенька, выручай! Беда у меня в кофейне. Каждый вечер при снятии кассы недостача — то триста рублей, то пятьсот, а то и под тысячу. Касса не сходится, и хоть тресни! Выручка пробивается, чеки все на месте, а наличных в денежном ящике меньше, чем должно быть по отчёту. Чует моё сердце, кто-то из моих подворовывает, да так хитро, что я никак не пойму, как именно. Помогите, ты ж в цифрах как рыба в воде!

Усадила я её, налила чаю, Персик тут же запрыгнул на стол — он у меня страсть как любит, когда при нём бумагами шуршат, — и принялись мы разбираться. Светлана Андреевна выложила передо мной кассовые отчёты за последнюю неделю. И верно: каждый вечер при сверке выходила недостача. По чекам, по пробитой выручке денег в ящике должно быть больше, чем оказывалось на деле. Кто-то регулярно запускал руку в кассу, но не топорно, а с умом.

Стала я вникать в суть дела. За кассой в кофейне посменно стояли трое.

Первая — Машенька, молоденькая бариста, девушка приветливая, улыбчивая, с покупателями любезная. Работала в утреннюю смену. Сказала, что к деньгам относится честно, кассу всегда сдаёт аккуратно, а недостача — не её вина.

Вторая — Зоя Марковна, женщина в возрасте, опытная, строгая, проработавшая в общепите не один десяток лет. Стояла в дневную смену. Держалась с достоинством, заявила, что за свою долгую жизнь ни копейки чужой не взяла и не возьмёт.

Третий — Денис, парень-кассир, что работал в вечернюю смену, аккурат до закрытия и снятия кассы. Молодой, бойкий, разговорчивый, с покупателями держался запросто, всех знал по именам. Сказал, что работает честно, а если касса не сходится — так это, верно, аппарат барахлит или кто-то из дневной смены не доложил.

Касса, заметьте, была общая, одна на всех, и сменщики передавали её друг другу, пересчитывая наличность при пересдаче. Снимал кассу окончательно, в конце дня, именно Денис — он закрывал кофейню.

Начала я, как водится, с чеков и отчётов. Разложила их по полочкам, по времени, по сменам. И вот что любопытно: недостача всякий раз вылезала по итогам дня, при окончательном снятии кассы вечером. А вот при пересдаче от утренней смены к дневной и от дневной к вечерней суммы сходились копейка в копейку — Машенька передавала Зое Марковне ровно столько, сколько должно, а Зоя Марковна Денису — тоже всё чин по чину, обе расписывались в тетрадочке. Стало быть, до начала вечерней смены деньги были на месте, все до единого.

Тут-то я и насторожилась. Раз при передаче кассы Денису всё сходилось, а к закрытию недосчитывались, — значит, утекали денежки именно в вечернюю смену. Но как? Чеки-то все на месте, выручка пробита. Стала я приглядываться к работе кассы повнимательнее и подметила одну хитрую вещь.

Дело в том, что в кофейне народ часто расплачивался наличными, особенно по вечерам — забегали за кофе навынос, давали крупную купюру, получали сдачу. И вот я заметила: у

Дениса в вечернюю смену подозрительно много операций, где сдача якобы выдавалась с большой купюры, а на чеке сумма стояла одна, в денежном же ящике движение выходило другое. Проще говоря, он пробивал чек на правильную сумму, покупателю выдавал верную сдачу, а вот в кассу клал меньше — разницу прикарманивал, рассчитывая, что при обилии наличных операций недостачу спишут на ошибки да на путаницу со сдачей. «Обсчитался, мол, не туда сдачу дал».

И тут в дело вступил мой Персик. Привезла я рыжего в кофейню под вечер, посадила за стойку. Кот важно прошёлся вдоль кассы. Мимо Машеньки, что забежала за забытым шарфиком, прошёл спокойно, потёрся об ногу, замурчал. На Зою Марковну, которая как раз сдавала смену, и вовсе ноль внимания. А вот когда к кассе встал Денис и полез в денежный ящик, рыжий мой вдруг весь подобрался, шерсть на загривке встала дыбом, и он утробно заворчал — да не на самого Дениса даже, а на его поясную сумку-кошель, что висела у парня на ремне под фартуком. Уставился на эту сумку и заворчал так, будто там сидела мышь.

Я виду не подавала, но намёк поняла. Стала проверять дальше. И вот что выяснилось при сверке времени и сумм. Машенька в утреннюю смену кассу сдала с точностью до рубля — есть подпись Зои Марковны в тетради. Зоя Марковна в дневную сдала Денису — тоже всё сошлось, и тут подпись имеется. А вот после, в вечернюю смену, когда у кассы оставался один Денис, и начинала накапливаться та самая недостача, что вылезала при закрытии.

Вот и сложите всё вместе, дорогие мои сыщики. Недостача появляется только по итогам дня, при окончательном снятии кассы вечером. При передаче от смены к смене всё сходится копейка в копейку — есть подписи в тетради. Значит, до начала вечерней смены деньги на месте. Машенька и Зоя Марковна сдали кассу честно, под роспись. А единственный, кто остаётся у кассы один в вечернюю смену и сам же снимает её в конце дня, — это Денис. И Персик ворчит именно на его поясную сумку.

Так кто же обкрадывал Светлану Андреевну и каким хитрым способом? И как именно я, разложив отчёты по сменам, вычислила, в чьей смене утекают деньги? Подумайте хорошенько, прежде чем переворачивать страницу! Тут вся соль в том, что сдача не сходится не сама по себе, а в строго определённое время суток.

А пока вы размышляете, расскажу вам забавное. Персик мой, наворчавшись на поясную сумку, не уgomонился, а изловчился, подцепил когтем язычок молнии и дёрнул — сумочка приоткрылась, и оттуда на стойку выкатилась горсть смятых купюр, отдельно от кассы припрятанных. Денис побледнел, замахал руками: «Это мои личные, чаевые!» А я смотрю на эту картину и думаю: э, голубчик, что-то многовато у тебя «личных чаевых» завелось, аккурат на сумму вечерней недостачи. Светлана Андреевна ахнула: «Тасенька, неужто Денис? Да я ж его как родного, всем покупателям нахваливала, мол, какой приветливый мальчик!» А я ей тихонько: вот за приветливыми да разговорчивыми, голубушка моя, у кассы глаз да глаз нужен. Покуда он покупателю зубы заговаривает, рука-то незаметно в ящик ныряет. Сдача потому и не сходится, что часть её до кассы не доезжает, а в этот вот кошель прямоком оседает.

Разгадку этого дела, как водится, ищите в конце книги. А мы с Персиком пока пересчитаем вечернюю выручку ещё разок да приглядим за прытким кассиром с его подозрительно пухлым кошельком.

Разгадка: Сдача не сходится

Ну что, дорогие мои любители кофе с детективным привкусом, настал час подвести черту под девятым делом и назвать имя того, кто запускал руку в кассу Светланы Андреевны. Надеюсь, вы не дали себя одурачить приветливой улыбкой да бойким говорком обходительного молодца. Объявляю официально: кассу обчищал вечерний кассир Денис, тот самый разбитной парень, что всех покупателей знал по именам и зубы заговаривал лучше любого балагура. А способ у него был хитрый, тонкий, размазанный по множеству мелких операций, чтобы недостача терялась в общем шуме. Но цифры, дорогие мои, всё стерпят, а вот время суток — оно то его и выдало с головой. Сейчас всё разложу по полочкам, как я люблю.

Начнём, как водится, с природы пропажи. Светлана Андреевна билась в недоумении: чеки на месте, выручка пробита, а денег в ящике к вечеру всё меньше, чем должно быть. И вот это сочетание — пробитая выручка при недостатке наличных — сразу подсказало мне, что воруют не топорно, не горстью из ящика, а с умом, через сдачу. Запомните, дорогие мои, важную бухгалтерскую истину: касса сводится по чекам, но живые деньги считаются отдельно. И если между тем, что пробито, и тем, что лежит в ящике, образуется щель, — в эту щель кто-то ловкий и запускает пальцы. Денис пробивал чек на верную сумму, покупателю выдавал правильную сдачу — комар носа не подточит, клиент доволен, — а вот в денежный ящик клал чуть меньше, чем полагалось. Разницу, рублей по сто-двести с операции, оставлял себе. За вечер, при потоке покупателей с кофе навынос, набегало и триста, и пятьсот, а в бойкий день и под тысячу. Мелкими ручейками, незаметно, чтобы списать всё на путаницу со сдачей: «обсчитался, мол, дал не ту купюру». На том и строился весь расчёт — на обилии наличных операций, в которых, как он думал, концов не сыщешь.

Но главная-то улика, та самая, ради которой и названо дело, — это не сам способ, а время. И тут мне сослужил службу мой любимый инструмент, который я во всех прошлых делах нахваливала. Помните, я разложила отчёты по сменам, по часам, как карты в пасьянсе? И что вышло? Недостача всякий раз вылезала только по итогам дня, при окончательном снятии кассы вечером. А вот при передаче кассы от смены к смене всё сходилось копейка в копейку. Это, дорогие мои, золотая ниточка. Смотрите, как красиво она разматывается. Машенька утром отстояла свою смену и передала кассу Зое Марковне — пересчитали, всё верно, обе расписались в тетрадке. Зоя Марковна днём отстояла и передала Денису — снова пересчитали, всё чин по чину, опять подписи. Стало быть, к началу вечерней смены, когда касса перешла к Денису, деньги были на месте, все до единого рубля, что чёрным по белому зафиксировано росписями. А недостача обнаружилась после, при закрытии, которое делал сам Денис, в одиночку. Вот и весь сказ. Деньги испарялись строго в тот промежуток, когда у кассы оставался один-единственный человек. И человек этот — Денис.

Заметьте, как чисто сработала арифметика смен, точь-в-точь как в деле про лишний чек, где я по времени открытия магазина вычислила Маргариту Львовну. Время совершения преступления зажато между двумя точными отметками: передача кассы Денису — деньги целы; снятие кассы Денисом — деньги пропали. Всё, что между ними, — это его смена и только его. Машенька и Зоя Марковна отпадают начисто, и не по доброте душевной, а по железному документу — по их подписям в тетради передачи. Они сдали кассу полной, под роспись, а значит, при них всё было на месте. Виновный — тот, в чьи руки касса попала последней, и кто остался с ней наедине. Подписи в тетрадке, дорогие мои, — это вам не пустая формальность, это алиби или, наоборот, петля на шее. В данном случае — петля на шее Дениса, потому что после него уже никто кассу не принимал и не пересчитывал, оправдаться ему было нечем.

Теперь разберём ложные следы, которые я, по обыкновению, расставила честно. Машенька — молоденькая, приветливая, на такую бойкую да улыбчивую невнимательный глаз

первым делом и косится: больно шустра. Но шустрость, как я вам уже сто раз твердила, не улика. Касса при её передаче сошлась — значит, при ней деньги были целы. Чиста. Зоя Марковна — строгая, в возрасте, заслуженная; и тут вы могли вспомнить Маргариту Львовну из третьего дела и подумать: ага, опять заслуженная да опытная, наверняка она и ворует, кому ж ещё. Ход мысли понятный, но обманчивый. Я нарочно подсунула вам этот соблазн. Однако касса, которую Зоя Марковна передала Денису, тоже сошлась под роспись — стало быть, и при ней деньги были на месте. Опыт и строгость сами по себе не обвиняют, как и молодость не обеляет. Судите по фактам, по времени, по подписям — а они обе чисты.

Остаётся Денис. И против него сошлось всё: и время — недостача строго в его смену; и одиночество у кассы — он закрывал кофейню сам, без свидетелей; и способ — мелкие недо-вложения сдачи, которые легко спрятать в потоке наличных; и, наконец, поведение. Помните, он первым делом стал валить на других: дескать, аппарат барахлит или дневная смена не доложила. А кто громче всех переводит стрелки, тот, как мы с вами уже усвоили по делу о вазе да по свидетелю в лифте, чаще всего и есть тот, кому есть что прятать.

Ну а теперь — гвоздь программы, мой рыжий гений. Персик прошёлся вдоль кассы: мимо Машеньки — спокойно, потёрся, замурчал; на Зою Марковну — ноль внимания. А вот когда к ящику встал Денис, рыжий ошетинился и заворчал — да не на самого парня, а на его поясную сумку-кошель под фартуком. Чуюл мой нюхач, что там, в этом кошеле, лежат денежки, добытые нечестно, осевшие мимо кассы. И мало того — изловчился, поддел когтем молнию, дёрнул, и на стойку выкатилась горсть смятых купюр, припрятанных отдельно от выручки. Вот вам и тайник. Но, как у нас с Персиком заведено, кот лишь указал направление, ткнул носом, куда смотреть, а доказала вину я сама — разбивкой по сменам, подписями в тетради передачи да арифметикой времени. Персик — нос, я — голова. Незыблемый наш порядок.

Чем кончилось? Припёрла я Дениса к стенке простым рассуждением: «Растолкуй-ка, голубчик, отчего касса при передаче тебе всякий раз сходится под роспись, а к закрытию, что ты сам делаешь в одиночку, денег недостаёт? И отчего у тебя в кошеле смятые купюры лежат отдельно, аккуратно на сумму вечерней недостачи?» Денис сперва петушился, валил на аппарат, на сдачу, на путаницу. А когда я разложила перед ним отчёты по сменам с подписями да пересчитала купюры из кошель, сник и повинился. Оказалось, повадился он не докладывать сдачу в кассу уже не первую неделю — по чуть-чуть, рассчитывая, что в потоке наличных никто не разберёт. Думал, приветливого да обходительного никто не заподозрит. Деньги частью вернул, а с работы вылетел в тот же вечер. Светлана Андреевна, бедная, расстроилась — нахваливала ведь парня, — но я ей сказала: радуйся, голубушка, что вовремя спохватилась. И посоветовала на будущее золотое правило: заведи порядок, чтобы кассу в конце дня снимал не тот, кто стоял последнюю смену, а сверяй наличные с пробитой выручкой ежедневно, по каждой смене отдельно. Тогда никакая сдача мимо кассы не утечёт.

А мораль этого дела такая, и вы её намотайте на ус: ищите не только кто, но и когда. Время суток, смена, промежуток между двумя точными отметками — вот что сужает круг до одного человека вернее всякого чутья. Если пропажа случается строго в определённые часы, при определённом дежурном, — значит, и виновник там же, в этом окошке. А подписи в журнале передачи, отметки о пересдаче, фиксация времени — это упрямые цифры, которые не умеют лгать в угоду человеку.

Ну а теперь — наш любимый ритуал, подсчёт очков. Доставайте листочек «Проверь себя», вписывайте девятое дело. Виновный — Денис, вечерний кассир. Если вы его назвали — ставьте честный плюс, вы молодчина. Если вдобавок в графе про способ записали, что разгадали схему с недо-вложением сдачи в кассу при верных чеках, — ставьте жирный плюс с восклицательным знаком, вы рассуждаете как заправский ревизор. А если вы при этом сообразили, почему чисты Машенька и Зоя Марковна — потому что касса при их передаче сошлась под роспись, а недостача вылезла строго в одиночную смену Дениса, — снимаю шляпу, из вас

выйдет первоклассный сыщик-бухгалтер. Если же вы по привычке заподозрили строгую Зою Марковну, вспомнив Маргариту Львовну, — не огорчайтесь, ставьте минус и запоминайте: один и тот же типаж в разных делах бывает то виновным, то чистым, а решают не типаж и не характер, а факты да время.

Подобьём баланс, без него я как без рук. Позади уже девять дел: пропавшая премия, разбитая ваза, лишний чек, браслет на юбилее, Алёнкины отпускные, конверты, воробьёвские ключи, квартира Веры Павловны и вот теперь касса в кофейне. Угадали всех девятерых — Анжелу, кота Барсика с лукавой хозяйкой, Маргариту Львовну, Семёна, Викторию, Витька, Аркашу, Бориса Аркадьевича и Дениса? Тогда у вас уже девять очков, и звание моего личного помощника — вот оно, рукой подать, за следующим же делом. Где-то споткнулись — не печальтесь, дел впереди ещё прорва, всё наверстаете.

А мы с Персиком, как заведено, удачу отметим. Достая заветную баночку, накладываю рыжему гению полную ложку икры — заслужил, без его ворчания на кошель да ловкого фокуса с молнией я бы, может, и не так скоро уверилась, где деньги оседают. Кот ест, жмурится, поглядывает на меня с видом победителя, мол, видала, человек, кто тут кассы проверяет? Ну пусть его, не жалко. А впереди нас ждёт дело десятое — «Подозрительный зонт», и там, чую, опять придётся приглядеться к мелочам да к тому, что не вяжется с погодой. Так что точите карандаши, заваривайте чай покрепче, и — за работу, друзья мои! Справедливость сама себя не восстановит, а мы с Персиком ей в этом завсегда подсобим.

Подозрительный зонт

Дело десятое, под названием «Подозрительный зонт», стало последним в череде простых наших задачек, и, признаюсь, далось оно мне особенно сладко — потому что разгадка, как и в случае с сухим пиджаком Семёна, пряталась в самой что ни на есть погоде. А погода, дорогие мои, союзник честнейший, её ни уговорить, ни подкупить нельзя. Но обо всём по порядку, иначе вы запутаетесь, а я этого, как вы знаете, на дух не переношу.

А завязалось всё так. Жила в нашем доме, этажом ниже, славная женщина — Антонина Васильевна Скворцова, вдова, дама пожилая, но бодрая, держала маленький свечной заводик, то бишь магазинчик подарков и сувениров. И вот случилась у неё пренеприятность: из квартиры, средь бела дня, пропала дорогая вещь — старинная брошь с гранатами, доставшаяся ещё от матери, да отложенные на ремонт деньги, тысяч сорок. Антонина Васильевна отлучилась на пару часов к зубному, вернулась — а шкатулка пуста. Замок цел, дверь не взломана, окна заперты. Кто-то вошёл по-хорошему, своим ходом, ключиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.